

DOI: 10.31857/S013038640017186-2

© 2021 г. М.А. ЛИПКИН

«ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ» И НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ: СОВЕТСКО-БЕЛЬГИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЫСОКОЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Липкин Михаил Аркадьевич – член-корреспондент РАН, директор Института всеобщей истории РАН; профессор Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия).

E-mail: mli@igh.ru

Scopus Author ID: 57059972700; Researcher ID: ABA-3897-2021

Благодарности: автор признателен за ценные консультации и помощь в архивных изысканиях сотрудником Архива внешней политики МИД РФ, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории, Исторических архивов ЕС, а также за помощь в переводе и комментировании отдельных частей текста коллегам из России, Бельгии и Великобритании.

Аннотация. В статье на базе сопоставительного анализа впервые вводимых в научный оборот российских и общеевропейских архивов показано значение встреч Н.С. Хрущева и Поля-Анри Спаака в 1956, 1961 и 1963 гг. В фокусе внимания находятся как новые факты советско-бельгийских и шире – советско-общеевропейских – дискуссий и инициатив, так и личный аспект общения ключевых для судеб континента политиков, принадлежавших разным социально-политическим системам, но находившим общий язык и общее понимание важности мирного сосуществования, решения прагматических вопросов развития на Востоке и Западе континента вопреки идеологическим расхождениям. Впервые дается детальный анализ визита бельгийской правительственной делегации в СССР в 1956 г. и дискуссии о европейской интеграции. Впервые публикуются данные о переговорах Спаака и Вышинского о «пакте дружбы» между Бельгией и СССР в 1946 г. Впервые детально анализируется роль Спаака в попытках урегулировать Берлинский кризис в 1961 г. Впервые публикуются детали неформального общения двух политиков на даче Конча Заспа под Киевом в 1963 г. Впервые прослеживается история появления присвоенного Хрущевым Спааку псевдонима «Павел Павлович» и выдвигается гипотеза о связи присвоенного ему отчества с личностью А.П. Чехова.

В заключение автор приходит к выводу о важности «интеллектуального пинг-понга» для успешности личной дипломатии периода холодной войны. Разбираемое в статье человеческое измерение высокой политики демонстрирует важность общегуманитарных познаний для выстраивания диалога на уважительном уровне, что являлось залогом снижения риска необдуманных действий как со стороны СССР, так и западных стран. Анализируемые в тексте эпизоды посредничества Спаака в отношениях между сверхдержавами позволяют говорить о заинтересованности и потенциале малых стран, таких как Бельгия, снижать риски прямой конфронтации между крупными державами.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, П.-А. Спаак, Н.А. Булганин, Д.Т. Шепилов, А.Я. Вышинский, А.П. Чехов, СССР, Бельгия, Конго, Германия, ФРГ, ГДР, НАТО, ОВД, холодная война, Вторая мировая война, европейская интеграция, безопасность, разоружение, Берлинский кризис, разрядка, экономика, Конча Заспа, переговоры.

M.A. Lipkin

“Pavel Pavlovich” and Nikita Sergeevich: Soviet-Belgian Summits and the Informal Aspect of High Politics During the Cold War

Mikhail Lipkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: mli@igh.ru

Scopus Author ID: 57059972700; Researcher ID: ABA-3897-2021

Acknowledgements: The author thanks the staff of the Foreign Policy Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, the Russian State Archive of Modern History, the Russian State Archive of Social and Political History, the Historical Archives of the EU for valuable advice and assistance in archival research, as well as in a personal capacity for assistance in translating and commenting on individual parts of the text of colleagues from Russia, Belgium and the UK.

Abstract. Based on a comparative analysis of new evidence from the Russian and EU archives, the article shows the significance of the three meetings between Nikita Khrushchev and Paul-Henri Spaak in 1956, 1961 and 1963. The text highlights both new facts about Soviet-Belgium relations (and even wider, pan-European discussions and initiatives) and personal aspects of conversations between the key political figures from different worlds, that is capitalism and communism. It shows that despite these differences Spaak and Khrushchev shared a common language and common concerns of a necessity of peaceful coexistence, pragmatism in search for solutions on the issues of development in the East and the West. For the first time, one can find a detailed analysis of the Belgian official delegation's visit to the USSR in 1956. The article is the first to present data from both sides concerning the talks between Paul Spaak and Andrei Vychinski on the “friendship pact” proposal between Belgium and the USSR in 1946. For the first time, the role of Spaak in attempts to resolve the Berlin crisis of 1961 is analyzed in detail. For the first time, the new data is published on informal interaction between the two politicians at the Koncha Zaspа dacha near Kyiv in July 1963. For the first time, the author analyzes the story of appearance and use of the nickname “Pavel Pavlovich” given by Khrushchev to Spaak and a hypothesis on its connection with the figure of famous Russian writer Anton Pavlovich Chekov is put forward.

The author comes to the conclusion about the importance of “intellectual ping-pong” for the success of personal diplomacy during the Cold War. The human dimension of high politics analyzed in the article demonstrates the importance of general knowledge in the field of humanities for establishing a respectful dialogue, which was the key to reducing the risk of rash actions on the part of both the USSR and the countries of the West. The cases of Spaak's mediation between superpowers analyzed in the text allow one to talk about the potential for and interest in reducing the risks of confrontation between major powers on the part of small countries, such as Belgium.

Keywords: N.S. Khrushchev, P.-A. Spaak, N.A. Bulganin, D.T. Shepilov, V.Y. Vychinski, A.P. Chekov, USSR, Belgium, Congo, Germany, FRG, GDR, NATO, Warsaw Pact, cold war, World War II, European integration, security, disarmament, Berlin crisis, détente, economics, Koncha Zaspа, negotiations.

После смерти И.В. Сталина взаимоотношения СССР со странами Запада подверглись кардинальной перестройке в свете провозглашения курса на мирное сосуществование. История этих перемен выглядит неполной без анализа остававшихся долгое время вне поля зрения историков подробностей общения ключевых политических деятелей СССР и Бельгии во второй половине 1950 — начале 1960-х годов. Странным образом в отечественной и западной историографии не уделялось особого внимания визитам в Советский Союз в 1956, 1961 и 1963 гг. Поля-Анри Спаака — человека, который был не просто политиком или чиновником Королевства Бельгия в эти годы, он не без оснований считается одним из легендарных «отцов-основателей» западноевропейской интеграции. Он стоял у истоков образования Европейского объединения угля и стали

(ЕОУС), Западноевропейского Союза (ЗЕС), его дипломатический талант способствовал успешному завершению сложных переговоров ряда западноевропейских государств в Мессине, приведших к подписанию Римских соглашений 1957 г. об образовании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евратома. Он был представителем условной «западной» элиты, в этом качестве он был избран первым председателем первой сессии ООН в 1945 г., в 1952–1954 гг. – первым председателем Европейского парламента, вторым генеральным секретарем НАТО в 1957–1961 гг. и т.д. И, по иронии судьбы, именно он скрывался под псевдонимом «Павел Павлович», придуманным для него советским лидером Н.С. Хрущевым, чем и объясняется необычный заголовок данной статьи.

Особую пикантность этой теме придает тот факт, что, начиная с личного знакомства в Москве в 1956 г., Н.С. Хрущев публично в неофициальной, а затем и официальной обстановке называл Спаака «Павлом Павловичем», и тот, судя по записям, не возражал против такого дружеского «ника» в СССР. В каких условиях произошло знакомство двух лидеров, как стало возможным такое неформальное общение между коммунистом Хрущевым и капиталистом Спааком, – на эти и многие другие вопросы мы постараемся ответить, опираясь на документы российских и европейских архивов.

В немногочисленных работах отечественных авторов, посвященных Спааку, он характеризуется главным образом как проамериканский политик, ярый антисоветчик и т.п.¹ В западной литературе, которая, конечно, гораздо обширнее, в автобиографии, исследовательских работах, написанных после смерти политика, и даже в двухтомной комментированной документальной публикации по материалам фонда Спаака главный акцент делается на его личном вкладе в становление западноевропейской и атлантической интеграции². Вместе с тем никто детально не анализировал эволюцию его взглядов в отношении СССР в послевоенный период, и при ближайшем рассмотрении картина оказывается и гораздо сложнее, и гораздо интереснее.

В автобиографии сам Спаак посвящает целую главу отношениям с «Востоком» и признается, что примерно с 1947 г. негативно воспринимал политику Москвы, но после XX съезда существенно поменял свой подход к СССР от резко негативного к позитивно-конструктивному³. Спаак был в СССР в 1930-х годах, а вновь посетил страну в 1956 г. в составе официальной делегации Бельгийского королевства во главе с премьер-министром Ахиллом Ван Аккером, в которую кроме Спаака, занимавшего пост министра иностранных дел, вошли также министр торговли, министр культуры и целый штаб сопровождающих лиц и журналистов. Следует напомнить, что для середины 1950-х это был один из самых масштабных и знаковых, «открывающих» заново СССР для мира «за занавесом» государственных визитов. Причем 1956 г. был решающим, изменившим как внутривнутриполитическую обстановку в СССР (XX съезд КПСС, укрепление позиций Н.С. Хрущева в условном «коллективном руководстве» страны), так и международные отношения – после окончания поездки разразился Суэцкий кризис (5 ноября 1956 г.), обозначивший закат европейского колониализма и смену курса на построение западноевропейской интеграции как единственного способа сохранить глобальное влияние бывших европейских метрополий путем их объединения. Практически параллельно ему (4 ноября 1956 г.) произошел ввод войск Организации Варшавского Договора (ОВД)

¹ Кривулина И.В. Деятельность П.А. Спаака в сфере европейской интеграции. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2009. № 2. С. 79–86; Мальшева Н.С. Поль-Анри Спаак – «проамериканский» политик Бельгии // Дневник Алтайской школы политических исследований. Барнаул, 2009. С. 058–062; Хорошева А.О. Бельгия и «политика независимости» в 1936 году: возврат к нейтралитету? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 3 (89). С. 24.

² Spaak P.-H. The continuing battle: memoirs of a European, 1936–1966. Boston, 1971; La pensée européenne et atlantique de Paul-Henri Spaak (1942–1972). Brussels, 1982; Dumoulin M. Spaak. (French Edition). Bruxelles, 1999.

³ Spaak P.-H. Op. cit. P. 402–403.

в Будапешт, что существенно смазало весь позитивный эффект от визита как для двусторонних советско-бельгийских отношений, так и в целом для отношений Запад – Восток.

Визит бельгийской делегации на самом деле планировался вскоре после знаменитого визита К. Аденауэра. В декабре 1955 г. посол СССР в Бельгии В.И. Авилов от имени советского правительства пригласил премьер-министра Бельгии в сопровождении министра иностранных дел и министра торговли посетить весной 1956 г. Советский Союз⁴. Однако время визита несколько раз переносилось, в том числе по просьбе советской стороны. В итоге поездка состоялась в конце октября, сразу после другого «прорывного» визита – японского премьер-министра И. Хатоямы в первой половине октября 1956 г.⁵ Если про К. Аденауэра и И. Хатояму написано немало, то о недельной поездке по СССР бельгийской делегации – практически ничего. В автобиографии, опубликованной в 1971 г., Спаак в целом дает неслестную оценку ее итогам: «наши переговоры в 1956 были по сути достаточно малозначительными»⁶. Так пишет Спаак про первую встречу с руководством СССР, оценивая ее на фоне двух других своих визитов в Страну Советов – в 1961 и 1963 гг., которые породили у него гораздо более широкую гамму чувств.

Следует отметить, что мемуары видных политиков пишутся многие годы спустя после описываемых событий, и в силу особенностей или избирательности человеческой памяти, или условий в период непосредственного написания текста они не всегда в полной мере воспроизводят контекст произошедшего, а порою и грешат неточностью дат и последовательности событий. Критический подход к мемуарам как к историческому источнику позволяет с помощью широкого спектра иных документов восстановить более объективную картину описываемого в них периода времени. Как будет понятно в дальнейшем, и в части дат, и в части желательности преувеличить значимость одних сюжетов и подзабыть другие мемуары Спаака мало чем отличаются от опубликованных мемуаров Хрущева⁷.

Применительно же к 1956 г. сопоставительный анализ впервые вводимых в научный оборот министерских и партийных документов из российских и европейских архивов позволяет не согласиться с мемуаристом Спааком и совсем по-другому посмотреть на этот визит.

Подготовка поездки шла долго. С советской стороны ему предшествовал ряд документов – инициатив МИД СССР и решений Политбюро, констатирующих улучшение климата советско-бельгийских отношений и предлагавших закрепить успехи организацией государственного визита высокопоставленной бельгийской делегации⁸. Как

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 072. Оп. 34. П. 148. Д. 11. Л. 21.

⁵ *Литкин М.А.* Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х – первой половине 1970-х годов // *Новый исторический вестник.* 2015. № 4 (46). С. 7–101.

⁶ *Spaak P.-H.* Op. cit. P. 409.

⁷ В мемуарах, к примеру, Спаак пишет, что, в отличие от премьер-министра Ван Аккера, он остался в Союзе, совершая турне по союзным республикам аж до середины ноября (*Spaak P.-H.* Op. cit. P. 407), – это проявления легкой аберрации памяти, турне длилось с 22 октября 1956 г. по 3 ноября 1956 г., т.е. в начале ноября вся делегация, включая вернувшегося из турне по республикам Спаака, покинула СССР, проведя последние дни опять на переговорах в Москве. Прав он был лишь в том, что Ван Аккер действительно не фигурирует в ноябрьских стенограммах. То же касается ошибки в датировке встречи П.-А. Спаака и А.Я. Вышинского в Лондоне на первой сессии ООН – этот эпизод детально анализируется далее в тексте статьи – это могло быть только в феврале 1946 г., а не в 1945 г., как утверждает в автобиографии Спаака (*Spaak P.-H.* Op. cit. P. 406). Правда, если мы обратимся к считающейся наиболее полной из изданных версий мемуаров Хрущева, то там вообще не найдем толком информации об этих переговорах. Станным образом Н.С. Хрущев, в отличие от П.-А. Спаака, вообще не упоминает этих встреч, что, вероятно, также послужило причиной забвения фигуры Спаака в СССР. Это лишний раз подтверждает тезис о крайней необъективности подачи информации «от первого лица», особенно в советской традиции мемуаристики // *Хрущев Н.С.* *Время. Люди. Власть. Воспоминания:* в 4-х кн. М., 1999.

⁸ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 8. Д. 381. Л. 12–17; АВП РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 148. Д. 11. Л. 21.

и в случае других крупных государственных визитов, приезде бельгийской делегации предшествовала «растоплившая лед» серия двусторонних менее статусных обменов и знаков внимания — визит бельгийской парламентской делегации в СССР осенью 1955 г., ответный визит делегации Верховного Совета СССР в Бельгию в мае 1956 г., согласование деталей соглашения о культурном обмене, визит делегации бельгийских журналистов в середине 1956 г., приглашение бельгийской стороной Советского Союза принять участие во Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. и т.д.

Если бы речь шла про рядовое событие, каким конечно не был длительный визит первых лиц Бельгии в практически закрытый для иностранцев до 1953 г. СССР, то вряд ли министр иностранных дел Бельгии П.-А. Спаак вызвал бы советского посла В.И. Авилова и стал заранее договариваться о совместном контроле над освещением этого события журналистами. Однако 16 июня 1956 г. Спаак по собственной инициативе завел разговор про информационное сопровождение поездки в СССР. На фоне просочившихся в бельгийскую прессу слухов о готовящемся визите он попросил «во избежание кривотолков и неправильных сведений об этой поездке» опубликовать официальное коммюнике о визите одновременно в Москве и в Брюсселе и кратко изложил свое видение такого официального заявления о приглашении и принятии приглашения бельгийской стороной⁹. «Знаете, наши журналисты — ужасный народ, а МИД не может, как видите, хранить секретов», — посетовал Спаак на прощанье¹⁰.

Следует отметить, что советское посольство в своей информации в Москву отмечало мужество и верность данному слову премьер-министра Ван Аккера, чье решение посетить СССР за несколько недель до поездки подверглось жесточайшей критике со стороны оппозиции, главным образом по каналам католической прессы, бывшей подконтрольной Социально-христианской партии. Несмотря на давление «со всех сторон», включая обострившиеся финансовые проблемы кабинета, делегация вылетела в Москву¹¹. Вероятно, предвидя это давление, Спаак ощущал определенное беспокойство и пытался предотвратить ненужные его репутации утечки информации.

В преддверии визита Спаак в беседе с Авилковым проговорил основные темы для переговоров в Москве. Это были: Германия, европейская интеграция и двусторонние экономические взаимоотношения. По вопросу объединения Германии он прямо заявил, что стоит сохранить статус-кво до тех пор, пока не вызреют условия для согласия четырех держав. По второму вопросу (и судя по накалу страстей, о котором свидетельствуют стенограммы переговоров в Москве, это был едва ли не главный вопрос для него на тот момент) Спаак дал понять, что хочет убедить Москву не препятствовать становлению «Малой Европы». Согласно записи посла о встрече 22 мая 1956 г., Спаак полушутя назвал самого себя в разговоре с Авилковым «первым европейцем», защищающим идеалы интеграционного порыва западных стран (что также свидетельствовало о персональной важности для него этой темы)¹². Он всячески пытался развить тезис о возможности Европы стать третьей силой между сверхдержавами и выйти из-под опеки США в случае успеха «шестерки» стран. «Спаак старался при этом особенно подчеркнуть, что для СССР представляло бы большой интерес то обстоятельство, что Западная Европа освободилась бы от влияния США, которое он признает и которое он не считает всегда счастливым», — пересказывал слова собеседника в депеше об этой встрече в Москву Авилков¹³.

В Москве готовились к визиту и обсуждению этих вопросов на всех уровнях. МИД СССР направил в ЦК КПСС целый ряд аналитических материалов по развитию

⁹ АВП РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 147. Д. 4. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 39.

¹¹ Там же. Д. 2. Л. 2.

¹² О том, что это было в духе Спаака так себя позиционировать, говорит и название изданной им сильно позже автобиографии — «Мемуары европейца».

¹³ АВП РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 147. Д. 4. Л. 31.

отношений с Бельгией. Ключевыми, конечно, были решения ЦК КПСС. Таковым стало решение от 9 февраля 1956 г. «О мероприятиях по дальнейшему улучшению советско-бельгийских отношений», где фиксировалось позитивное развитие общего фона отношений и поддерживались инициативы советского посла в Бельгии по подготовке соглашения о культурном сотрудничестве, приезду делегации бельгийских журналистов и прочему¹⁴. Идея подготовки визита на высшем уровне появляется как логическое развитие этой поступательной тенденции лишь 3 мая 1956 г., в продолжение темы подписания советско-бельгийского соглашения по культурным вопросам¹⁵.

Примечательно, что до недавнего времени на всех конференциях и в исследовательской литературе обсуждение темы истории взаимоотношений Советского Союза и первых европейских сообществ обходило стороной советско-бельгийскую дискуссию на эту тему осенью 1956 г. в Москве. Более того, дискуссия подразумевала подготовку справочных материалов, сами переговоры и оценки того, кто что вынес из этих дебатов. Также интересно, что ключевая дискуссия на эту тему развернулась в Москве 2 ноября, в предпоследний день визита, после возвращения Спаака из поездки по советским республикам, причем премьер-министр на них уже не присутствовал. Советскую сторону представляли Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, министр иностранных дел Д.Т. Шепилов и министр внешней торговли И.Г. Кабанов. Н.С. Хрущев на последней встрече отсутствовал.

План поездки по СССР предусматривал обширную программу визита. Она была несколько сокращена вследствие переноса прилета делегации с 20 на 22 октября. 23-го состоялся прием у Булганина и первая сессия переговоров в Кремле. 25 октября состоялся еще один важный раунд переговоров, на этот раз с участием Н.С. Хрущева. Затем Спаак и часть делегации продолжили турне по СССР — визит сперва в Ташкент, а затем в Самарканд. Несколько дней в Узбекской ССР предусматривали встречу с Председателем Совета министров Узбекской ССР, беседу с членами духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, визит в колхоз, посещение соборной мечети и т.д. Примечательно, что согласно утвержденному в ЦК плану пребывания на аэродроме официально вывешивались три флага — посередине СССР, по краям — Бельгии и Узбекской ССР. Также исполнялись гимны Бельгии, СССР и Узбекской ССР (по одному куплету)¹⁶. Из Средней Азии делегация летела в город-герой Сталинград, осматривала город, посещала Волго-Донской канал и возвращалась в Москву, где предстоял еще один раунд переговоров — 2 ноября.

В рамках данной статьи не представляется возможным пересказать и проанализировать весь спектр вопросов, поднятых в ходе многочасовых переговоров в Москве. Однако самые значимые моменты этого визита, атмосфера переговоров и сюжет, где впервые появляется загадочный «Павел Павлович» в стенограмме 1956 г., выносятся на суд читателя.

* * *

Первый день переговоров — 23 октября — был посвящен конкретным вопросам двусторонних отношений, преимущественно внешней торговли и прощупыванию почвы для улучшения главным образом двусторонних советско-бельгийских отношений. С советской стороны переговоры вел Н.А. Булганин, участвовали А.И. Микоян и представители МИД и профильных министерств двух стран.

В ходе беседы, демонстрируя действительно удивительно откровенный диалог с двух сторон, советской стороне удалось добиться от Спаака признания факта торговой дискриминации СССР: «Дело в том, что в течение ряда лет Бельгия заключала различные соглашения и конвенции, в которых содержалась политика дискриминации в отношении СССР. Я это

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 381. Л. 13–14.

¹⁵ Там же. Оп. 12. Д. 38. Л. 14.

¹⁶ Там же. Д. 119. Л. 42.

признаю в соответствии с нашей договоренностью вести переговоры со всей откровенностью. Понятно, что для Бельгии это очень деликатный вопрос, и если бы мы сейчас перестали выполнять обязательства по этим соглашениям и конвенциям, то третьи страны проявили бы недовольство»¹⁷.

Однако дальше признания продвинуться в сторону каких-либо конкретных действий со стороны Бельгии для улучшения климата и решения этого вопроса не удалось. В какой-то момент обсуждение вопроса дискриминации СССР со стороны западных стран стало заходить в тупик, так как Спаак отказывался брать на себя часть ответственности и обвинял во всем «большие державы», намекая, что эти вопросы решаются на уровне СССР – США, а не СССР – Бельгия. Обращает на себя внимание внезапное появление на сцене молчавшего до того большую часть времени премьер-министра Ван Аккера, который имел явно несколько отличный взгляд на проблему. Он не побоялся выразить гораздо большую заинтересованность своей страны в экономических вопросах, чем осторожный Спаак. «Я хотел бы только заметить, – заявил Ван Аккер, – что для улучшения отношений между нашими странами, для смягчения ограничений, по-моему, надо всемерно развивать торговлю. Для Бельгии торговля имеет очень важное значение»¹⁸.

После этих слов конкретика была передана на уровень взаимоотношений отраслевых министров – поручение проработать вопросы улучшения товарооборота получили министр внешней торговли СССР И.Г. Кабанов и генеральный директор внешней торговли Бельгии Обер де Тьёзи.

Гораздо более интересным и ярким был второй день официальных переговоров – 25 октября 1956 г., где, во-первых, обсуждались общие вопросы отношений, а во-вторых, активнейшим образом участвовал второй (после премьер-министра Н.А. Булганина) член советского «двумвирата» – первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Можно сказать, что фактически переговоры превратились в обмен мнениями Спаака и Хрущева по острейшим сюжетам мировой истории и политики.

Первым слово получил Спаак. Он попытался представить экскурс в историю, обосновывая участие Бельгии в НАТО и – шире – роль Бельгии в «объединении Европы». Он изложил причины перехода его страны от политики нейтралитета, приведшей к оккупации Бельгии в Первой и Второй мировых войнах, к участию в блоке НАТО. При этом он старался всячески развить тезис об оборонительной сущности этого альянса и вспомнил оставшееся без ответа предложение о «пакте дружбы» с СССР (по образцу советско-британского договора от 26 мая 1942 г., где речь шла не только о военном времени, но и о «сотрудничестве и взаимной помощи после войны»), сделанное им министру иностранных дел А.Я. Вышинскому на первой сессии ООН в Лондоне¹⁹.

В ответ на видение военных и послевоенных событий бельгийской стороной совершенно неожиданно для всех, и особенно для Спаака, Хрущев стал очень подробно и критически (в отношении как СССР, так и других стран) излагать свое видение причин упущенных возможностей по предотвращению Второй мировой войны.

«Я не буду отрицать, – заявил он, – что наши отношения с западными странами и с нашими союзниками против фашистской Германии сложились плохо. Я не буду говорить, что мы были безупречны в своей политике. Но и западные страны также не могут сказать и доказать нам, что они были также безупречны в отношении своей политики к Советскому Союзу. Причиной, видимо, является то, что союзники состояли из государств, стоящих на противоположных политических позициях и имеющих противоположные взгляды на социальное устройство.

Последнюю войну можно было бы предупредить. Мы были готовы к этому. Но консерваторы и реакционная часть французских политических деятелей боялись этого. Они

¹⁷ АВП РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 148. Д. 11а. Л. 4–5.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 15–16.

были не против войны и хотели направить эту войну в сторону Востока. Всем известно, Вам, я думаю, также известно, что в минуту самого высокого напряжения мы заявили, что согласны выполнить свои договорные обязательства и выступить в защиту Чехословакии, если на нее нападёт Германия. При этом мы считали, что Франция выполнит свои обязательства в отношении Чехословакии. Для реализации своих союзных обязательств мы даже подготовили свои войска и вывели их на границу в полном боевом снаряжении. Но Франция отказалась от своих обязательств, а английские консерваторы сделали все для того, чтобы нажать на Бенеша и на правительство Чехословакии с целью заставить их капитулировать перед Гитлером.

Делегация, которая была прислана сюда англичанами и французами для переговоров о предотвращении войны, состояла из людей мало ответственных. Эти люди занимались неизвестно чем, но только не тем, чем им следовало бы в тот момент заниматься, с тем, чтобы договориться с нами и обуздать Гитлера, а мы это могли бы сделать. Это был явный подсказ Гитлеру, что французы и англичане ведут проволочные разговоры с Советским Союзом и не хотят достигать договоренности с ним против Гитлера. Этим самым было подсказано Гитлеру, что он может свободно действовать против нас. Конечно, Гитлер это понял. Но он решил действовать по-своему. Он считал, что более опасным противником для фашистской Германии является Советский Союз. Поэтому он решил сначала заключить союз с нами, напасть на Францию, Англию и затем на нас. Мы видели, что Англия и Франция направляют силы фашистской Германии против нас. Мы тоже решили выиграть время, заключить союз с Германией, подготовиться лучше к войне и таким образом защитить себя от фашистской Германии»²⁰.

Затем последовали традиционные упреки в адрес союзников с затягиванием открытия Второго фронта, хотя тут Хрущев слишком сгустил краски, заявив, что, дескать, Второй фронт «был создан западными странами тогда, когда мы вступили на территорию Германии»²¹. Общеизвестно, что в июне 1944 г., когда наконец началась операция «Оверлорд», советские войска сражались еще на территории Украины и Белоруссии.

Необычайная откровенность и даже чрезмерная искренность и эмоциональность в таком вопросе для официальной встречи с представителями западной страны были немислимы для руководства СССР в сталинские годы. Из того, сколько говорил про начало войны Н.С. Хрущев (почти три страницы стенограммы), видно, что эта тема очень волновала его лично. Потрясенный, хотя и явно не во всем согласный с первым секретарем ЦК КПСС, Спаак был вынужден также поделить свои довольно откровенные суждениями о причинах провала мирных переговоров с СССР и создания антигитлеровской коалиции перед войной, что было крайне нехарактерно для периода холодной войны. Со своей стороны, он попробовал объяснить за своих европейских союзников и представил свою версию событий: «Что касается позиции западных держав – сохранить полностью свои силы, то это, может быть, диктовалось тем, что они не хотели быть в зависимости от Советского Союза. Что касается конкретно Англии, то я понимаю, что она, со своей стороны, также имела в виду судьбу, постигшую Францию, которая после первой мировой войны понесла такие потери, что после так и не смогла оправиться. Англия, конечно, имела в виду сохранить свои силы и не бросать в войну слишком много своих людей для того, чтобы после войны она не была слишком ослаблена и не была низведена в ранг слабых держав. Я думаю, что это обстоятельство объясняет тот факт, что Англия несколько задержала свои действия»²².

Тема Второй мировой войны неразрывно перекликалась с темой возможной третьей мировой войны, где, по мнению Хрущева, главной угрозой были безответственные заявления представителей НАТО и попытки пересмотреть принципы голосования

²⁰ Там же. Л. 17–18.

²¹ Там же. Л. 19.

²² Там же. Л. 25.

в Генеральной Ассамблее ООН. Примечательно, что эмоциональные выпады Хрущева в адрес западных стран, тем не менее, вполне уживались с демонстративно дружеским настроением в отношении лично Спаака, о чем можно судить по реакции Хрущева на высказывание последнего о желательности отказа от права вето великих держав и перехода к принятию решений большинством стран — членом ООН. Нетрудно догадаться, чем был вызван зондаж таких изменений со стороны Спаака. Визит проходил на фоне провала предложения Великобритании принудить лидера Египта Гамалея Абделя Насера отказаться от национализации Суэцкого канала, используя механизм голосования в Совете Безопасности ООН. СССР наложил вето на западную резолюцию. После этого за кулисами уже готовилась англо-франко-израильская силовая операция по захвату контроля над стратегически важным морским путем, начавшаяся 5 ноября, — собственно события хорошо известного Суэцкого кризиса, разразившегося после окончания визита бельгийской делегации в СССР.

Именно применительно к обсуждению роли ООН и важности сохранения права вето как ключевого завоевания этой организации в советской стенограмме появляется обращение к некоему «Павлу Павловичу» со стороны Н.С. Хрущева. Любопытно, что в бельгийской стенограмме этот момент опущен — оставлены только слова по существу, сказанные советским лидером, но без фамильярностей в адрес Спаака²³.

«Мы считаем, что самое разумное в этой организации — это применение права вето, — начал развивать свою мысль Н.С. Хрущев. — Павел Павлович (выделено мною. — М.Л.) улыбается, но я Вам скажу, и вы меня поймете. Ну, что такое голосование? Ну, голосуйте вы, хотя бы всем миром, но, если это голосование не будет соответствовать нашему пониманию, мы никакому голосованию не подчинимся. И не только мы, и вы также. Какое же это имеет значение? Я понимаю, что это имеет значение для правительства, для партии какой-то страны, где обязательно меньшинство должно подчиняться большинству. Это правильный принцип, это закон для демократического государства, и мы им руководствуемся. И у себя и решаем вопросы таким способом. Но для решения спорных вопросов между государствами этот способ не подходит. Между государствами должен быть способ свободного высказывания точек зрения и отыскивания разумного решения, которое бы удовлетворяло ту и другую сторону и то государство, с которым имеются какие-то шероховатости и недоговоренности. Если же большинство, например, решило бы, что мы решаем так и требуем, чтобы государство, которое занимает другую позицию, приняло это, то это — война»²⁴. В качестве примера Хрущев, конечно, несколько утрируя, привел пример гипотетического требования отказаться от социализма в СССР по решению некоего большинства в ООН. По его мнению, это было бы очевидным нонсенсом и тупиком для правоприменения в международной политике²⁵.

Вопрос о НАТО, конечно, также не мог остаться вне поля зрения Хрущева. В своем выступлении он привел примеры наиболее воинственных высказываний генералов НАТО и, повторяя аргументы об агрессивности этого блока в характерной ему немного задиристой манере «наскакивать» на собеседника, стал хвастаться военными возможностями СССР и геополитическими преимуществами сложившейся для СССР ситуации: «Мы были в состоянии разбить вас и раньше, а теперь, когда у нас такой большой тыл, каким является Китай, разгромленная Япония и страны Восточной Европы, которые сейчас с нами, положение резко изменилось. Зачем дразнить гусей... Кому это нужно?». Вполне возможно, что в последних словах Никита Сергеевич имел в виду себя самого, однако вслед за встречными угрозами в адрес американских генералов Хрущев озвучил предложение одновременного роспуска ОВД и НАТО. Он предложил сокращение

²³ Historical Archives of the European Union (далее — HAEU). Fondations Paul-Henri Spaak (далее — PHS)-350/6605. Compte-rendu stenographique des conversations tenues au Kremlin le 25 Octobre 1956. P. 11.

²⁴ АВП РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 148. Д. 11а. Л. 20.

²⁵ Там же.

вооружений, гарантии снижения оборонного бюджета в СССР, но без «шпионажа» в духе воздушного контроля, как это предлагал американский президент Эйзенхауэр²⁶.

Конечно, Спаак как опытный дипломат не стал «дразнить гусей» и обозначил лишь ряд моментов, которые, по его мнению, свидетельствовали об отсутствии широкой поддержки откровенно агрессивных планов в отношении СССР, а также выразил свою давнюю точку зрения о позитивной роли малых стран в преодолении тупиковой ситуации, в которую попали великие державы. «Что касается политики разоружения, то я считаю, что все великие державы совершили ошибку, — заявил Спаак. — Эта ошибка состоит в том, что они оставили эту проблему только для себя ... я считаю, что участие в обсуждении такой проблемы, как разоружение, средних и малых держав может оздоровить дискуссию»²⁷.

Едва ли не самым интересным сюжетом встречи стало обсуждение видения советского демарша относительно принятия СССР в члены НАТО, предпринятого еще 1 апреля 1954 г. Апеллируя к положению об открытом характере этой организации, СССР сделал демонстративную попытку вступить в альянс, что смотрелось сенсационно с точки зрения логики холодной войны. В ответ последовал закономерный отказ. Отмечая в первую очередь единое командование, на которое согласились участники Североатлантического альянса, Спаак откровенно произнес: «В настоящей обстановке признаю, что я с большим трудом представляю себе, как могло бы осуществляться это единое командование Соединенных Штатов и Советского Союза. Я считаю, что это сделало бы такую организацию бесполезной»²⁸. В ответ Хрущев не удержался, чтобы не подколоть собеседника: «Как говорят русские, “шила в мешке не утаишь”». И как бы ни маскировали назначение НАТО, оно выявлено»²⁹.

Хрущев, Булганин и Шепилов стали подводить беседу к тому, что желательно бы достичь какого-то джентльменского соглашения между ОВД и НАТО, если временно оказывались невозможны ни взаимный роспуск этих организаций, ни вступление СССР в западные союзы. Спаак поддерживал идею соглашения о разоружении в принципе, принимая логику окруженного иностранными военными базами СССР, однако от конкретных совместных инициатив в этом вопросе воздержался, повторив общие декларации о желательности разоружения. И тут, видимо почувствовав, что можно добиться хотя бы чего-то конкретного в двусторонних отношениях, советская сторона попыталась под конец переговоров разыграть гениальный гамбит вокруг истории переговоров Спаака и Вышинского в Лондоне.

Еще в первом раунде обмена репликами Хрущев заявил, что ничего не знал о предложениях Спаака Вышинскому в 1946 г. подписать мирный пакт с обязательством неучастия во враждебных блоках. Буквально он сказал, даже дав оценку тем событиям: «Я Вам верю и очень сожалею, что Вам даже не дали ответа, я осуждаю это, считаю это неверным, не знаю, чем это вызвано»³⁰. После обсуждения темы НАТО и желательности найти взаимоприемлемые способы разоружения, удалось добиться от Спаака признания, что «изменения происходят медленно, особенно в дипломатии, но они происходят»³¹. Спаак отметил, что еще года два назад его визит в СССР был немыслим, однако, как и в первый день переговоров, он опять перевел стрелки ответственности на уровень сверхдержав: «Сейчас общее течение событий хорошее. И когда Вы сможете сесть за стол с руководителями США, Вы сможете рассеять многие недоразумения»³².

²⁶ Там же. Л. 23–24.

²⁷ Там же. Л. 28.

²⁸ Там же. Л. 29.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 22.

³¹ Там же. Л. 34.

³² Там же.

Подведя собеседника к этой мысли, советская делегация перешла в наступление, явно исполняя «домашнюю заготовку» относительно возможности заключения договора о дружбе с Брюсселем. Булганин вдруг опять вспомнил упомянутый Спааком в начале встречи эпизод с Вышинским. Он заявляет Спааку, что МИД СССР «только что» дал справку, подтверждающую, что в начале 1946 г. такой разговор в Лондоне имел место. Причем был повторен характер предложения — договор о дружбе с обязательством не вступать во враждебные коалиции, направленные друг против друга. Мол, Вышинский, не имея инструкций, ничего не ответил. «Мы сожалеем об этом», — заявил Булганин Спааку³³. Тогда подключился и Хрущев и прямо предложил исправить ошибку десятилетней давности и подписать такое соглашение между Москвой и Брюсселем. Спаак заявил, что не имеет инструкций. Хрущев подловил его, напомнив, что рядом с ним премьер-министр, который тут же может дать такие инструкции. Спаак стал уводить разговор в сторону различий исторических эпох и разности «атмосферы» тогда и сейчас, не произнося, но явно намекая на обязательства членства Бельгии в НАТО, Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) и Бенилюксе, о чем он говорил в начале встречи и чего, конечно, в 1946 г. еще не было. После этого еще один заход с предложением «исправить положение» сделал уже Шепилов, но тут советская запись встречи резко обрывается³⁴.

Интересно сравнение нюансов советской и бельгийской записей концовки встречи. В остальных местах стенограмм тексты практически идентичны, однако бельгийская запись содержит еще пару эмоциональных абзацев, свидетельствующих, с каким жаром Хрущев и Шепилов пытались уговорить Спаака сбросить 10 лет и, вернувшись в 1946 г., подписать договор о дружбе с Бельгией. Перевод французского текста гласит:

«Спаак: Я должен вам объяснить дух эпохи ...

Хрущев: Мы должны сказать, что мы сожалеем об этом упущении и готовы его исправить. Это никогда не поздно сделать, и я Вам предлагаю немедленно подписать подобный пакт. Видите, сейчас это Вы не захотите это сделать»³⁵.

Спаак, отчаявшись объяснить, что Бельгия имеет массу внешних обязательств, так как уже прошла послевоенная эпоха и наступила иная, заявляет, что у него нет инструкций на этот счет.

«Шепилов: Почему? Если премьер-министр и министр иностранных дел согласны исправить ошибку нашего товарища Вышинского и сделать сейчас то, что не было сделано в ту эпоху?»³⁶.

И в отличие от советской записи завершает все не Шепилов, а посчитавший необходимым вмешаться и спасти Спаака из неудобной ситуации Ван Аккер, который подобно командору из последнего акта Дон Жуана объявляет всем присутствующим, что пора заканчивать: «Мы не можем так быстро реагировать, нам надо время подумать»³⁷. На этом октябрьская часть переговоров в Москве заканчивается. Спаак едет в турне по среднеазиатской части СССР, Ван Аккер возвращается в Брюссель.

Чтобы понять всю интригу вокруг поднятой самим Спааком темы взаимоотношений СССР и Бельгии, перенесемся в послевоенную Европу 1945–1947 гг. и попытаемся по документам восстановить то, о чем же шла речь и можно ли говорить об «ошибке товарища Вышинского». В 1945 г. Советский Союз на правах победителя во Второй мировой войне пользовался бесспорным авторитетом среди стран Европы и потому многие государства старались уравновесить хорошие отношения с США дружественными соглашениями с СССР.

³³ Там же. Л. 35.

³⁴ Там же.

³⁵ НАЕУ. PHS-350/6605. Compte-rendu stenographique des conversations tenues au Kremlin le 25 Octobre 1956. P. 36.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

Маленькая Бельгия, дважды пострадавшая от несовершенства систем коллективной безопасности в первой половине XX столетия, в лице министра иностранных дел Поля-Анри Спаака действительно несколько раз зондировала вопрос о договоре о дружбе с СССР. Однако делалось это в разном качестве и на разном уровне в разные периоды времени.

Спаак был неправ, а Шепилов действительно верен фактам – разговор П.-А. Спаака и А.Я. Вышинского случился в Лондоне по инициативе Спаака 8 февраля 1946 г. Он не мог случиться в феврале 1945 г., так как происходил в рамках первой сессии ООН в Лондоне, где Вышинский был представителем СССР, а Спаак – председателем этой сессии³⁸. Нам не удалось найти точный текст депеши Вышинского об этом разговоре со Спааком ни в одном из российских архивов. Вместе с тем запись этой беседы существует в изложении Спаака и хранится в документах Спаака в его записях за тот период времени. Согласно французскому тексту, Спаак нанес визит Вышинскому и сразу оговорился, что он явился не в качестве председателя сессии, а как министр иностранных дел Бельгии. Он стал рассуждать про необходимость предотвратить новую войну и, в частности, заявил об экономической необходимости создания союза с Люксембургом и Нидерландами. Вышинский в ответ напомнил, что СССР не приветствует создание Западного блока. «Некоторые хотят создать блок с Польшей, Чехословакией и Францией и со странами Западной Европы, даже если будет надо с Германией, против Советской России», – заявил он Спааку согласно французской записи. В ответ Спаак записал следующее: «Я ответил г-ну Вышинскому, что я не знаю, сумел ли кто-то создать этот блок, но я знаю, что Бельгия, конечно же, не согласится там участвовать, и к тому же я думаю, что мы, бельгийцы, должны создать подобие моста между Западом и Востоком Европы, и в этом случае я себя спрашивал, как мы можем быть полезны в этой области. Я подумал о возможности пакта дружбы между Бельгией и СССР по модели соглашения с англичанами. Мне кажется, что подобный жест произведет хорошее впечатление и позволит рассеять некоторое недопонимание»³⁹.

Таким образом, речь шла о шаге вперед по сравнению с тем, что говорил П.-А. Спаак советскому послу М.Г. Сергееву в 1945 г. – тогда он представил это как личную инициативу. Тут он выступал в роли министра иностранных дел Бельгии, делающего предложение «пакта дружбы» с СССР заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому. Вышинский ответил, что он обязательно поставит в известность об этом предложении министра иностранных дел В.М. Молотова⁴⁰. Однако, со слов Спаака и судя по доступным документам, никакой ответной реакции со стороны Вышинского тогда не последовало.

Согласно озвученной в ходе обсуждения этой темы на переговорах в Москве 25 октября 1956 г. версии Шепилова, Вышинский не получил инструкций из Москвы и потому никак не отреагировал на предложение бельгийской стороны. Все члены советской делегации, и особенно Хрущев, изобразили крайнее возмущение таким фактом. Тем не менее есть основания усомниться в искренности их неведения. Ряд подготовительных документов к визиту бельгийцев в Москву очень кратко, но содержал упоминания былых предложений Спаака о заключении «пакта» сперва послу, а затем самому Вышинскому в 1946 г. И более того, в черновых вариантах директив МИД СССР ставилась установка добиваться заключения договора о дружбе и сотрудничестве с Бельгией, однако эта мысль исчезла из итоговых директив к переговорам, утвержденных Политбюро 15 октября 1956 г.⁴¹ Все члены советской делегации должны были ознакомиться с директивами перед столь знаковой встречей. Вопрос – видели ли все они черновики

³⁸ Примечательно, что и на документе из фонда П.-А. Спаака стоят две даты, проставленные от руки: неправильная – 1945 со знаком вопроса и сверху правильная – 1946.

³⁹ NAEU. PHS-136/2974. Entretien á Londres avec M. Vychinski. P. 2.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 148. Д. 11. Л. 67; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 127. Л. 30–34.

директив МИД СССР. Также сомнительно, мог ли МИД СССР в течение 2 часов 40 минут, что длились переговоры, в начале которых и возник этот сюжет, при существовавших тогда средствах связи поднять архивы и дать столь оперативную справку Булганину или, скорее, это была «домашняя заготовка».

Можно предположить, что советское руководство не придало серьезного значения словам Спаака как в 1945, так и в 1946 г., посчитав их сиюминутной политической спекуляцией. В 1945 г. в беседе с послом Сергеевым это выглядело как заигрывание с СССР. В 1946 г. это также выглядело дипломатической игрой на фоне создания Бенилюкса и обсуждения «Западного блока» – прообраза будущего «Плана Маршалла» и Организации европейского экономического сотрудничества. Кроме того, из документов Спаака видно, что в тот период он заигрывал с левыми силами в Бельгии – велись даже переговоры об организации коалиции с бельгийскими коммунистами, – и приятные слова в адрес СССР были попыткой сбалансировать партийные дела у себя в стране. Не случайно Спаак вызвал на прием Сергеева перед отъездом в Лондон 18 января 1946 г. и очень завуалированно стал делать ему намеки, связывая их с результатами парламентских выборов: «В заключение нашей беседы, – записал у себя в дневнике советский посол, – Спаак сказал мне, что он хотел бы поставить передо мной один важный вопрос, касающийся укрепления дружбы между Бельгией и СССР, но что он считает более целесообразным поставить этот вопрос после парламентских выборов, когда со стороны бельгийских властей будут устранены факты, вызывающие наше недовольство. Я сказал, что для этого нужно только желание»⁴². Нет сомнений, что это было именно то предложение, которое Спаак озвучил в Лондоне Вышинскому.

В то же время следует помнить, что авторитет СССР как страны – победительницы во Второй мировой войне и сверхдержавы, наряду с США, был наибольшим именно в первые послевоенные годы. Многие правительства, особенно левого толка, искали пути выстраивания добрососедских отношений с Москвой на перспективу. Так, к примеру, Швеция заключила кредитное и торговое соглашение с СССР в октябре 1946 г., а Лейбористская партия Великобритании к концу войны предлагала некое соглашение Коммунистической партии СССР о совместных действиях в послевоенной Европе. На этом фоне предложения Спаака не были чем-то совсем необычным. И даже если принять логику конъюнктурной игры со стороны Спаака, то удивляет настойчивость бельгийского министра иностранных дел – уже после партийных баталий у себя в стране он опять, в третий и последний раз, озвучил эту идею советскому послу в Бельгии уже в начале 1947 г. Только после принятия «Плана Маршалла» летом 1947 г. Спаак и согласно собственным воспоминаниям, и согласно мнению советских дипломатов переходит однозначно в лагерь сторонников сдерживания СССР и продвижения идей объединения Запада на идеологических основах антикоммунизма. В декабре 1947 г. советский посол А.П. Павлов докладывал тогда уже министру иностранных дел А.Я. Вышинскому: «Никаких обычных для Спаака еще в недавнем прошлом дружелюбных жестов словесного порядка в сторону Советского Союза уже нельзя найти в этих выступлениях. Наоборот – все ярче сказывается проамериканский характер занятой Спааком политической позиции»⁴³. Впрочем, как мы видим, не навсегда.

Согласно воспоминаниям Спаака, поворотным моментом для него становится XX съезд КПСС 1956 г. и осуждение Хрущевым сталинизма. С советской точки зрения, наверное, трудно было усмотреть эти изменения за явно антисоветскими речами Спаака в качестве главы НАТО в конце 1950-х годов. Однако даже британцы отмечали, что в 1960 г., возглавляя атлантический альянс, Спаак более других западных политиков проявил интерес к советскому предложению принять участие в обсуждении трансформации

⁴² АВП РФ. Ф. 072. Оп. 24а. П. 115. Д. 3. Л. 8.

⁴³ Там же. Ф. 07. Оп. 12. П. 16. Д. 196. Л. 193.

созданной для реализации «Плана Маршалла» ОЕЭС в знакомую всем ОЭСР — Организацию экономического сотрудничества и развития, озвученному на XV сессии ЕЭК ООН. Он даже пытался включить этот вопрос в повестку Стамбульского саммита НАТО, что говорило о серьезности его восприятия сигнала об интересе СССР к международному сотрудничеству с западными организациями в тот момент⁴⁴.

* * *

О том, что Спаак действительно пытался прошупать компромиссный путь и понять логику СССР, говорит анализ стенограммы переговоров 2 ноября 1956 г. в Москве — на самом деле, пожалуй, самых важных из всех произошедших за время визита бельгийской делегации. Они были решающими для судьбы взаимоотношений СССР и европейских сообществ на ближайшее десятилетие. И они происходили в более узком кругу министров — без Ван Аккера и без Хрущева. С советской стороны делегацию возглавлял Булганин. В отсутствие Хрущева — и это был довольно редкий случай — раскрылся в полной мере дипломатический талант малоизвестного и кратковременно пребывавшего на посту министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова. Что особенно любопытно — как прекрасный и конструктивный медиатор показал себя сам Н.А. Булганин⁴⁵. В центре дискуссии была проблема объединения Европы — того, что в советских материалах называлось «западноевропейской интеграцией», того, ради чего П.-А. Спаак приехал в СССР в качестве «первого европейца».

Спаак начал с того, что впечатления от поездки по СССР только укрепили его убежденность в необходимости объединения малых стран ради выгод экономики и сохранения конкурентоспособности в технологической гонке, ибо только так можно догнать крупнейшие индустриальные державы — СССР и США. Предвидя возражения, он попытался полностью отделить тему объединения Европы от темы НАТО. И связать актуальность этой темы для Бельгии с двумя насущными экономическими проблемами, беспокоящими всех западноевропейцев: автоматизацией производства и ядерной энергетикой — капиталоемкими отраслями, требовавшими объединения потенциалов малых и средних стран⁴⁶. При этом он честно признал, что на фоне рассмотрения вопроса о создании Евратома — объединения шести стран в области совместного производства мирного атома — позиция СССР имела важное значение. «Я должен сказать, что эта враждебность Советского Союза осложняет вопрос создания этой организации и осложняет процесс объединения Европы. Я пользуюсь случаем, чтобы высказать совершенно откровенно то, что я думаю», — заявил он советской делегации в начале переговоров⁴⁷.

После этого слово взял советский коллега Спаака Шепилов. Он открыто признал факт отрицательного отношения СССР к идее «малой Европы» с Западной Германией среди ее членов. При этом он выделил две тенденции. Первую — прогрессивную, — которую педалировал Спаак: «Объединение Европы дает возможность несколько высвободиться от щупалец, которые охватывают все больше европейскую экономику со стороны США». Он призвал развивать эту тенденцию. Однако проявлялась и негативная тенденция — риск возрождения германского милитаризма по мере восстановления ее экономической мощи. То же касалось условного деления на мирный и военный атом, что крайне волновало СССР при допуске ФРГ к ядерным секретам через Евратом. «Реализовать

⁴⁴ Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016. С. 315.

⁴⁵ Он был назначен министром в июне 1956 г. О том, сколь быстро его имя было предано забвению и опале после открытого выступления против Хрущева в рамках «антипартийной группы» (Маленкова, Молотова и Кагановича) в июне 1957 г., говорит даже отсутствие в АВП РФ его специального именованного фонда, какие существуют у всех министров иностранных дел.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 148. Д. 11а. Л. 37–38.

⁴⁷ Там же. Л. 38.

упомянутые планы — значит восстановить в третий раз на протяжении нашего поколения ту грозную ситуацию, которая сложилась перед первой и перед второй мировыми войнами, но на гораздо более опасной основе», — заключил Шепилов⁴⁸. И во многом его видение, как и большинства членов советской делегации одного с ним поколения, определялось собственным жизненным опытом и отношением к Германии — восприятием ее как источника вечного зла в Европе и мире, что было характерно для исторической памяти всего советского военного поколения. Шепилов озвучил контрпредложения, выдвинутые СССР в рамках ЕЭК ООН по созданию общеевропейской организации по ядерной энергии.

Несколько иными словами те же основные аргументы повторил Булганин, напомнив вновь про предложение распустить НАТО и ОВД и заключить общеевропейский пакт о мире. В СССР знали о позитивном отношении Спаака к идее некоего джентльменского договора о ненападении между ОВД и НАТО и поэтому выделяли его на фоне других политических деятелей Запада, причем как в 1956 г., так и в начале 1960-х годов.

Спаак попытался аргументировать свои идеи. «Главный принцип европейской безопасности — это, во-первых, экономическое сообщество, которое предоставляет равный доступ его членам к сырью; во-вторых, эта организация строится на основе абсолютного контроля, который по идее его авторов должен помешать созданию военной Германии ... Наша цель помешать тому, чтобы Германия заняла доминирующее место как в экономической области, так и в области атомной», — объяснял он свою позицию советской стороне⁴⁹. Спаак достаточно логично обрисовал идею «Европы шести», не самую лучшую, но практически реализуемую, на его взгляд. Он не без оснований считал, что вряд ли можно было ожидать, что сверхдержава СССР пойдет на делегирование части суверенитета в военной области и даст установить у себя международный контроль. Преимущество же Евратома, по мнению бельгийского министра иностранных дел, заключалось в том, что его участники были готовы пойти на это, не претендуя на военную мощь, соизмеримую с СССР. В качестве примера эффективной структуры по сдерживанию экономики ФРГ он привел работающее с 1951 г. наднациональное Европейское объединение угля и стали. Он не отверг в принципе идею Булганина о договоре по общеевропейской безопасности, но поставил его в зависимость от прорыва в области разоружения и, главное, создания механизма контроля над разоружением⁵⁰. Ключевая мысль Спаака, — что «Европа шести» лучше, чем «оставить Германию одну с ее все более возрастающей мощью»⁵¹. Более того, Спаак допустил риск заключения прямого соглашения между ФРГ и США по ядерной энергетике, что привело бы к полной потере европейского контроля над этой потенциально непредсказуемой страной⁵².

Выступления Булганина поражают своей откровенностью и свежестью гораздо более конструктивного подхода к проблеме европейской интеграции, нежели демонстрировали советские дипломаты и партийные руководители, не говоря уже о советской прессе в предшествующий период. «Идея объединения Европы в экономическом смысле не противоречит нашим взглядам. Мы приветствуем стремление г. министра Спаака в этом отношении. Весь вопрос в том, как это сделать», — заявил Председатель Совета министров СССР на переговорах. В другом месте он повторил эту мысль еще более акцентированно: «Мы говорим с Вами, г-н Спаак, совершенно откровенно. Мы Вам высказываем наши соображения так, как мы об этом говорим между собой. Поэтому надо подумывать. Мы, повторяю, приветствуем Ваши намерения. Они в принципе полностью соответствуют нашим взглядам. Пожелание объединения Европы не противоречит

⁴⁸ Там же. Л. 39.

⁴⁹ Там же. Л. 44–45.

⁵⁰ Там же. Л. 45.

⁵¹ Там же. Л. 46, 48.

⁵² Там же. Л. 44.

нашим взглядам. Если к этому добавить еще такую проблему, как автоматизация производства, использование атомной энергии в народном хозяйстве, это будет весьма важно. Но надо найти правильное решение этой проблемы. Я думаю, что мы с Вами будем искать эти средства, и мы их найдем. Надо только одно — чтобы в нас не видели черта с рогами. Мы — люди, которые искренне стремятся к тому, чтобы не осложнять положение ни политически, ни экономически. Мы за то, чтобы эти идеи были проведены в жизнь, но путями и средствами, которые не угрожали бы безопасности Европы»⁵³.

Это был принципиально новый язык советской дипломатии — не озвучивание уставочных слоганов с мыслью о составлении скорого отчета о том, как была проведена пропагандистская работа для ЦК, не цитирование утвержденных реплик из директив, не работа передаточным механизмом того, что скажет собеседник, для «инстанций», а открытый, местами идеалистический, но приглашающий к диалогу, уважительный разговор нового руководства страны, выстраивавшего новые ориентиры во внешней политике. Булганин, конечно, не согласился со Спааком, что мощи таких стран, как Франция и Бенилюкс, хватит для организации контроля над ФРГ⁵⁴. Но он удивительно тонко и позитивно смог зафиксировать точки соприкосновения интересов и пункты, где стороны не пришли к компромиссу. По сути, обе стороны были согласны не допустить доминирования Германии в Европе, выступали за развитие экономического потенциала и поддерживали в принципе идею европейской безопасности. Расхождения касались реализации вопроса о разоружении и линии на «малую» или «большую» Европу, а также принципиального решения о допуске Германии к ядерным секретам. В итоге Булганин великолепно завершил переговоры: «Мы готовы поддерживать с Вами контакт по этому вопросу. Как видите, по основной идее у нас расхождения нет»⁵⁵. Спааку, со своей стороны, ничего не оставалось, как выразить уважение позиции СССР и подтвердить мысль о важности именно последних тем на переговорах: «Эти два последние заседания представляли для меня исключительный интерес, и я подумаю над многим из того, что здесь было сказано», — заявил он на прощанье⁵⁶.

Увы, итогам визита бельгийской правительственной делегации сильно не повезло по времени — он совпал с двумя крупными кризисами в Восточной и Западной Европе. Когда Спаак был еще в СССР, разразился Венгерский кризис 1956 г. Как только он вернулся на родину, грянул Суэцкий кризис. Спаак сразу же отметился рядом резких выступлений, осуждающих ввод войск ОВД в Венгрию. Наметившееся улучшение отношений было приторможено на время. По сути, основное официально заявленное достижение — подписание советско-бельгийского Соглашения о культуре, с одной стороны, стало своего рода прорывом — первым соглашением такого рода со страной НАТО. С другой — сразу после возвращения в Бельгию оно было подвергнуто резкой критике со стороны католической оппозиции и хотя и не денонсировано, но временно приостановлено бельгийской стороной как часть вынужденной реакции на венгерские события⁵⁷.

И для себя в мемуарах и в отчетах о своей поездке для НАТО Спаак сразу же отметил главенствующие позиции Хрущева на советском Олимпе. Вполне естественно, что нигде он не живописал, что Никита Сергеевич называл его «Павлом Павловичем» — это могло нанести ущерб его репутации. В отчете о поездке Спаака есть упоминание встречи с Хрущевым в ложе Большого театра в рамках культурной программы. И с высокой долей вероятности можно предположить, что это обращение было навеяно А.П. Чеховым, образы из рассказов которого активно использовал Хрущев, хотя прямой цитаты из творчества Чехова тут найти сложновато. Возможно, похожие очки у Чехова и Спаака

⁵³ Там же. Л. 43.

⁵⁴ Там же. Л. 47.

⁵⁵ Там же. Л. 50.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. П. 147. Д. 2. Л. 4—7.

были причиной такой ассоциации, возможно что-то еще. Вообще, в Политбюро существовала традиция «своих», «близких» по духу зарубежных лидеров называть русскими именами и отчествами. Так, например, лидера Чехословакии Александра Дубчека в ЦК называли «Александр Степанович» — имя совпадало, а вот кто и когда дал ему такое отчество — не понятно. Свое «имя-отчество» было и у лидера Югославии Йосифа Броз Тито. То, что не только Хрущев, но и Булганин разговаривал со Спааком особенно откровенно, говорит о том, что советские лидеры тогда выделяли его из сонма других западных политиков. Скорее всего, Спаак получил свое «русское» отчество именно благодаря литературе, нежели каким-то еще факторам (например, визиту в СССР в 1930-е годы). Проверить или подтвердить эту гипотезу можно, только попав в центральную ложу Большого театра вечером 25 октября 1956 г., где началось неформальное общение двух политиков во просмотром балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро»⁵⁸. Увы, пока не изобретена машина времени, сделать это не представляется возможным.

Вернувшись из столь длительной и насыщенной официальной поездки по СССР, П.-А. Спаак предстал с отчетом перед Советом НАТО в декабре 1956 г. Там состоялось закрытое заседание под председательством лорда Исмея, специально посвященное бельгийскому визиту в СССР. Спаак открыл свое выступление словами, что ничего нового и сенсационного не произошло. Но внимательный читатель может догадаться, что сама постановка вопроса — попытка сразу заверить коллег по альянсу в обыденности поездки по СССР — свидетельствует, что в НАТО бельгийское турне воспринималось именно сенсационно и неоднозначно.

Конечно, Спаак пересказал далеко не все, что произносилось им в Москве. Для нас особенно интересна неожиданной подробная, данная по свежим следам его характеристика Хрущева на фоне других советских переговорщиков. Он публично заявил, что Хрущев, несомненно, занимает первое место среди всех, с кем он общался с советской стороны, и он ему показался вовсе не столь неприятным, как многие могли бы подумать: «не будучи тонким, изысканным и остроумным, он хитер, совершенно не испытывает затруднений с высказываниями, обладает определенной находчивостью в разговоре, ценит и любит шутку»⁵⁹. Спаак живописал, как во время представления в Большом театре Хрущев указал ему на театрального злодея со словами: «Вот это как раз и есть НАТО»⁶⁰. «Это достаточно сердечный и простой человек, который не держит зла на собеседников за те колкости, которые он им наговорил несколькими минутами ранее», — закончил он свой словесный портрет советского лидера по итогам первой встречи в Москве⁶¹.

* * *

После 1956 г. Спаак сменил несколько амплуа, успев побывать генеральным секретарем того самого «оборонительного» НАТО, и в 1961 г. вдруг, несмотря на целый ряд антисоветских высказываний и действий (например, инспирированное покушение и в итоге убийство ориентировавшегося на СССР премьер-министра Конго Патриса Лумумбы и последовавшей интервенции бельгийских войск в эту бывшую колонию в 1961 г.), Спаак вновь едет в Москву и встречается с Хрущевым⁶². Правда, уже в качестве не только министра иностранных дел, но и заместителя премьер-министра Бельгии.

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 119. Л. 41.

⁵⁹ НАЕУ. PHS-350/6607. Telegramme par courrier № 105. Paris, le 4 December 1956. P. 2.

⁶⁰ Ibidem. С учетом того, что в программе визита стояло «Лебединое озеро», вероятнее всего, Никита Сергеевич олицетворял персонаж злого гения колдуна-рыцаря Ротбарта с НАТО.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Подробнее см.: Dumoulin M. Орт. cit. P. 583–617; Мазов С.В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М., 2015; Его же. Советская помощь повстанцам Восточного Конго, 1964–1966 // Азия и Африка сегодня. 2019. № 11. С. 71

И отправляется он в СССР главным образом по поручению президента США Дж.Ф. Кеннеди, выполняя роль посредника между Западом и Востоком на фоне крайне напряженной международной обстановки — в разгар Берлинского кризиса 1961 г. Спаак приехал уже после возведения Берлинской стены, начавшегося летом 1961 г., но до самого кризисного момента с лобовым противостоянием советских и американских танков 27 октября 1961 г. (при попытке снести стену с западной стороны на пропускном пункте в районе Фридрихштрассе)⁶³. Тем не менее сам Хрущев в беседе со Спааком отмечал общий градус напряженности: с западной стороны в Берлин был командирован американский генерал Люсиус Клей, который в ходе Берлинского кризиса 1948 г. организовал воздушный мост, дабы снять советскую блокаду с западного сектора города; с советской — маршал И.С. Конева, символизм его назначения состоял еще и в том, что именно он участвовал во взятии Берлина в 1945 г.⁶⁴

На этом фоне главная цель визита Спаака — зондаж путей решения берлинского и германского вопросов. Отчасти это было продолжением его неоднократно высказываемых размышлений о возможности малых стран всерьез помочь найти взаимопонимание между сверхдержавами, боявшимися нанести ущерб своему престижу и сделать первый шаг, который мог быть истолкован как проявление их слабости. Отчасти — выполнением прямой просьбы желавшего найти пути разрешения Берлинского кризиса президента Дж.Ф. Кеннеди.

Советское руководство знало о посреднической миссии П.-А. Спаака. В информации союзникам-соцстранам и «друзьям» во Франции, Бельгии и Италии отмечалось, что визит состоялся по инициативе Спаака, и он приехал как эмиссар Кеннеди зондировать почву для урегулирования Берлинского кризиса. Причем его визит рассматривался как очередной, а первым был французский политический деятель Поль Рейно, формально приехавший на французскую выставку в Москве, реально — встречавшийся с Хрущевым с целью оценить риски начала военных действий⁶⁵. Причем в беседе со Спааком сам Хрущев упоминает свой разговор с этим французским политиком и отмечает, насколько тот был приятно удивлен увидеть в нем договороспособного и рассудительного лидера⁶⁶.

Интересно, что в ряду вопросов — разоружения и разрядки — сам Спаак, видимо, чтобы сделать приятное советскому лидеру, высказал идею некоего мирного пакта между ОВД и НАТО⁶⁷. Но ключевым и для возвращения атмосферы доверия, и для решения остальных вопросов, как следует из стенограммы, для Спаака в тот момент было найти приемлемое решение проблемы разделенной Германии. Хрущев достаточно реалистично поведал Спааку о своих личных беседах и с де Голлем, и с Эйзенхауэром и, обращаясь к Спааку как к старому знакомому, образно обрисовал разницу между официальными заявлениями и национальными интересами западных лидеров следующим образом:

«Хрущев. ...Я Вам, Павел Павлович, расскажу такой анекдот, который был в первые годы советской власти. Я, если Вы не возражаете, обращусь к Вам Павел Павлович по старой памяти, когда мы с Вами встретились и беседовали. Вы не возражаете?

Спаак. Нет.

Хрущев. Я говорю, что был у нас такой анекдот, тогда было много анкет для опроса служащих, и там было много всяких вопросов. Один фельетонист воспользовался этим

⁶³ Подробнее см.: *Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006. С. 230–259; *Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009. С. 239–276; *Его же.* «Окружить железным кольцом Берлин...» // *Родина.* 2011. № 8. С. 73–74; *Его же.* «А насчет Германии у нас и сомнений не было» // *Историк.* 2016. № 2 (14). С. 42–47.

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 548. Л. 67.

⁶⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 12. Д. 981. Л. 105.

⁶⁶ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 548. Л. 67.

⁶⁷ Там же. Л. 43.

и написал фельетон. Спрашивают советского служащего: вы в бога веруете? Он говорит: на службе нет, а дома — да. Вот так Вы занимаетесь вопросами Германии. Дома, говорит, нет, на службе — да, потому что де Голль никогда не выступал за то, чтобы было две Германии, нигде публично не выступал, но в беседах, не стесняясь, открыто говорит, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы была одна Германия, надо, чтобы было две Германии»⁶⁸.

Собеседники явно нравились друг другу, хотя и оставались верны своим идеологическим системам. Причем Спаак не отставал по части юмора и «подколов» от Хрущева. Когда Никита Сергеевич живописал позицию англичан, он отметил их большую, в отличие от французов, дипломатичность в германском вопросе: «Они не говорят этого в беседах, но по глазам нужно читать, что они никогда не согласятся, чтобы была одна Германия»⁶⁹. Спаак тут же парирует: «Можете прочитать в моих глазах»⁷⁰. Хрущев делает вид, что не замечает подкола, и продолжает оперировать своей формулой про западные страны, что дома «нет», а на службе — «да», в реальности их вполне устраивает разъединенная Германия⁷¹. Никита Сергеевич в данном случае на встрече показал себя реалистом, причем гибким реалистом, гораздо более спокойным и уверенным в себе, чем на переговорах 1956 г. Он предложил Спааку (т.е. через него Западной Европе и Кеннеди) несколько вариантов на выбор решения германского вопроса. В качестве «суррогата», как он это назвал, — признание ГДР социалистическими странами, ФРГ — западными странами, но с фиксацией существующего разделения и границ между двумя германскими государствами. В идеале — полное международное признание двух германских государств с их включением в ООН и тем самым разблокирование магистрального пути к разрядке по всем другим вопросам в Европе. Хрущев, конечно, отметил, что он поддерживает план В. Ульбрихта по созданию конфедерации, и его сердцу ближе единая социалистическая Германия, но ему также очевидно, что на это не согласятся западные державы, а войны из-за Германии не хотелось ни одной из сторон. В отношении проблемы западного эксклава на территории ГДР — Западного Берлина — Хрущев наотрез отказывался признавать его частью ФРГ и считал выходом дарование ему статуса вольного города с капиталистическим укладом⁷². Он даже предложил такое экстравагантное решение, как вывод оккупационных войск западных держав из Западного Берлина и замену их контингентом ООН или любой нейтральной страны⁷³.

Спаак отдал должное прагматизму Хрущева и предложенным им на выбор вариантам, а главное, оценил его договороспособность в критический момент. «В Вашем сегодняшнем выступлении что-то новое — появляется компромисс, что социалистические страны могли бы подписать мир с Восточной Германией, с другой стороны, западные державы могли бы подписать мир с Западной Германией. Такие договоры могли бы включать некоторые вопросы, касающиеся общих границ обеих Германий, и другие вопросы, которые могли бы решаться в будущем другим договором. По моему мнению, это очень интересные, совершенно новые мысли», — оценил Спаак варианты решений, предложенные Хрущевым⁷⁴. В другом месте стенограммы отмечен его осторожный прогноз хода переговоров на базе высказанных советским лидером предложений:

«Спаак. Я надеюсь, что мы скоро наладим переговоры, и считаю, что руководители великих держав должны войти в контакт с Советским Союзом, мы будем содействовать этому.

Хрущев. Если у Вас будет такая легкая рука, мы с вами выпьем за вашу легкую руку.

⁶⁸ Там же. Л. 45.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 46.

⁷¹ Там же. Л. 46–51.

⁷² Там же. Л. 52.

⁷³ Там же. Л. 54.

⁷⁴ Там же. Л. 57.

Мы можем сегодня это сделать авансом, а потом повторить.

Спаак. Я не Президент Соединенных Штатов Америки.

Хрущев. В отдельности люди в Америке неплохие. У меня сложилось мнение, что Президент Кеннеди не лишен понимания»⁷⁵.

После этого в духе приятельского обмена мнениями Хрущев вдруг в подробностях изложил Спааку свою версию событий со срывом эпохального Парижского саммита в мае 1960 г., когда из-за провокации с американским самолетом-шпионом над территорией СССР были сорваны переговоры съехавшихся в Париж мировых лидеров на тему разрядки и разоружения. Надо сказать, что даже лучший биограф Хрущева Уильям Таубман не объясняет причин поступка Хрущева, чье решение придать огласке инцидент над Уралом, будучи уже в Париже, явно шокировало и скрытно не одобрялось частью советской делегации, готовившей эту встречу в верхах на протяжении многих лет⁷⁶. Как поведал Хрущев «Павлу Павловичу», в СССР специально не стали обнародовать информацию, что пилот самолета-шпиона Пауэрс жив и дает показания. Причем Хрущев рассказал, что он знал про пролет американцев в апреле 1960 г. и дал указание не трогать самолет, чтобы не навредить общей обстановке. Но когда 1 мая, за две недели до саммита, ему доложили о новом полете, он дал указание сбивать. Хрущев ожидал, что Эйзенхауэр накажет Даллеса (имелся в виду, видимо, Аллен Даллес, руководивший ЦРУ. — *М.Л.*), тогда продолжилось бы многообещающее Парижское совещание. Прибыв в Париж, Хрущев потребовал личных извинений от Эйзенхауэра, но американский президент не только не извинился, но неожиданным образом взял всю вину на себя, и в этих условиях атмосфера доверия между лидерами была полностью расстроена⁷⁷. «Это очень несчастный случай», — произнес переживавший за упущенный шанс на разрядку Спаак. «Это несчастный случай ума», — ответил ему довольный признанием справедливости своей критики поведения американцев Хрущев и позвал Спаака подкрепить себя после долгой беседы⁷⁸.

Итоги поездки достаточно подробно описаны Спааком в его автобиографии. Исполненный оптимизма, он подготовил доклад с вариантами решения Берлинского кризиса для Атлантического Совета, который был принят с вежливостью, но без ожидавшегося им энтузиазма⁷⁹. Согласно принятым правилам, представители стран — членов организации разослали его своим правительствам в западных странах. Затем на Спаака посыпались обвинения, что он стал не то орудием Кремля, не то переврал слова Хрущева. В сложившейся ситуации Спаак, по его собственным оценкам, принял рискованный и беспрецедентный для западного политика шаг — он послал через советского посла в Бельгии строго конфиденциальное письмо с копией своего доклада в НАТО лично Н.С. Хрущеву для сверки — правильно ли он передал суть его предложений. В ответ 27 сентября 1961 г. Хрущев написал ему длинное личное послание, в котором полностью подтвердил изложенное в письме, уточнив ряд нюансов по каждому пункту⁸⁰. И тем не менее на решающем голосовании в НАТО по предложениям Бельгии о переговорах на новых началах по решению берлинского вопроса Великобритания в связке с Францией и ФРГ отвергла все итоги переговоров Спаака и Хрущева. Как объясняет это фиаско сам Спаак, англичане и американцы параллельно ему сами установили контакт с советскими

⁷⁵ Там же. Л. 61.

⁷⁶ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 493–508.

⁷⁷ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 548. Л. 71–72.

⁷⁸ Там же. Л. 71, 74.

⁷⁹ Spaak P.-H. Op. cit. P. 418–421. Текст оригинального документа хранится в бумагах Спаака в Исторических архивах ЕС: НАЕУ. PHS-652/9418. Aid-memoire. Paris, le 21 Septembre 1961.

⁸⁰ Русский текст ответа Хрущева доступен в бумагах Спаака: НАЕУ. PHS-652/9410. Без названия. Н. Хрущев. Москва, Кремль, 26 сентября 1961 г. Примечательно, что Хрущев подписал письмо без второго инициала — просто: «Н. Хрущев. Председатель Совета Министров СССР».

представителями (в частности, по линии министров иностранных дел: Алекс Дуглас-Хьюм — А.А. Громыко) и были полны скептицизма относительно собственного опыта общения⁸¹. По мнению Спаака, его прямой контакт с Хрущевым, от которого в конечном счете зависело принятие внешнеполитических решений в СССР, был в разы важнее переговоров с осторожным министром иностранных дел СССР. Он верил в то, что его контакты давали шанс к достижению компромисса, они были разумны⁸². Но поддержанная только Норвегией, перед лицом не желавших слушать его доводы крупных держав бельгийская инициатива была заблокирована. «Все, что я сказал, было отвергнуто, ничего не опробовано и, восемь лет спустя, мы все еще там же, где были тогда», — писал раздосадованный Спаак в мемуарах⁸³. Как и в 1960 г. в Париже, разрядка была близка, но так и не состоялась.

Самый политически интересный и прорывной, на его взгляд, визит в СССР 1961 г. оказался самым малозначительным для судьбы Европы. И, наоборот, наименее политически важный визит 1963 г. оказался самым запоминающимся по личному опыту общения с советским лидером — «с человеческой точки зрения он [визит] был бесподобен», записал многие годы спустя в воспоминаниях бельгийский политик⁸⁴. Следует отдать должное, сопоставляя мемуары Спаака и открывшиеся документы встречи в июле 1963 г., это общение выходило за рамки обычных деловых визитов. В нем раскрываются с неожиданных сторон и Хрущев, и Спаак, и оба в совершенно новом качестве. Погружаясь в атмосферу их бесед, мы можем вместе с ними задуматься о схожести и различиях культурного, исторического и политического опыта людей, от которых зависела судьба континента в тот период.

Как следует из политического письма посольства СССР в Брюсселе, советские дипломаты выделяли два периода в двусторонних отношениях СССР и Бельгии в начале 1960-х годов. Первый — примерно с июля 1960 по июль 1961 г. — характеризовался значительным ухудшением отношений в связи с «империалистической колониальной политикой» Бельгии в Конго. Пик пришелся на февраль—май 1961 г., когда на фоне убийства Патриса Лумумбы прошли недружественные протестные акции у посольств как в Брюсселе, так и в Москве. На втором этапе, наступившем после прихода к власти в Бельгии социалистического правительства Лефевра — Спаака (альянс католиков и социалистов), напряженность стала ослабевать, и в значительной мере этому послужил визит Спаака в СССР в июле 1963 г.⁸⁵

* * *

Спаака пригласили в СССР после того, как советский корреспондент «Известий» Н. Полянов предложил взять у него интервью⁸⁶. Не каждый западный политик в тот момент согласился бы попасть на страницы советских газет, но Спаак не побоялся и, несмотря на разногласия вокруг ситуации в Конго, дал комментарии в дружественном СССР духе. 15 мая 1963 г. текст интервью со Спааком вышел миллионными тиражами в СССР. Это было отмечено в ЦК и ему было послано официальное приглашение вновь посетить СССР.

Ради встречи с Хрущевым Спаак специально прилетел в Киев. На аэродроме делегацию встретил министр иностранных дел Украинской ССР и после небольшого отдыха в Мариинском дворце (где располагался Верховный Совет УССР) повез бельгийцев на государственную дачу Конча Заспа в 20 км южнее Киева, где отдыхал и работал, готовясь

⁸¹ *Spaak P.*—*H.* Op. cit. P. 422.

⁸² *Ibid.* P. 420.

⁸³ *Ibid.* P. 423.

⁸⁴ *Ibid.* P. 425.

⁸⁵ АВП РФ. Ф. 072. Оп. 41. П. 159. Д. 7. Л. 12—13.

⁸⁶ *Dumoulin M.* Op. cit. P. 628.

к очередному пленуму ЦК, Никита Сергеевич⁸⁷. Согласно «неправленной» советской сценарии встречи, с учетом летней жары Спаак и Хрущев как старые приятели сразу договорились начать беседу без пиджаков и без лишних формальностей⁸⁸.

И Хрущев, и Спаак сошлись в том, что главный камень преткновения на пути прогресса — что в деле разоружения, что общей разрядки (в том числе и экономической) — германский вопрос⁸⁹. Причем Хрущев прямо-таки провидчески рассуждал о единственном пути для его решения в обозримом будущем, называя это по-своему «новым Рапалло», — по сути, он предвосхитил «восточную политику» Вилли Брандта. Он прямо заявил, что это может быть кто-то, кто придет после К. Аденауэра, некий, как он его называл, «новый Вирта» — по фамилии германского премьер-министра, заключившего соглашение в Рапалло от имени Веймарской республики в 1922 г.

«Какая эволюция может быть?» — вопрошал и сам отвечал на свой вопрос Хрущев. — Западные немцы сами поймут, что ни НАТО, ни де Голль, ни всякие другие деятели ни в чем не помогут Западной Германии. Тогда у западногерманцев должна быть эволюция в мышлении, и может наступить то, чего больше всего боится Запад: Западная Германия может повернуться своей экономикой в сторону Востока и будет искать решения экономических проблем в лучших отношениях между ними и Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Если одним словом выразить — это Рапалло. Рапалло был выгоден немцам и был выгоден Советскому Союзу. Рапалло был разрушен Гитлером. Это разрушение было не в интересах немцев и не в интересах нас. И это время должно наступить. Новый Рапалло должен быть. И тогда уже никто, ни де Голль, ни Кеннеди, никто немцев не удержит.

Экономические интересы немцев толкают на сближение с нами. Франция — конкурент, Америка — конкурент, Англия — конкурент, Япония — конкурент, Италия — конкурент. Мы — гармоническая страна⁹⁰.

Хрущев дважды откровенно поведал Спааку, что Берлин является крючком для Запада, а вовсе не головной болью для СССР. Для большей образности он обратился к чеховским рассказам:

«Но мы делаем так, как говорится у нас в чеховском рассказе “Злоумышленник”»: его судили за то, что он гайки отвинчивал. Судья говорит:

— Зачем ты гайки отвинчивал?

— Как зачем? Надо рыбу ловить.

— Ведь может быть катастрофа, люди погибнут.

— Не может быть. Мы сколько лет всей деревней делаем и катастрофы не было. Мы знаем, какую гайку отвинчивать, а какую оставить. (Оживление).

Так, и мы в Берлине: одну гайку будем отвинчивать, а другую оставлять. С умом это будем делать.

П. Спаак. Этот вопрос гаек очень сложный. (Оживление).

Н.С. Хрущев. Верно. (Веселое оживление).

Спаак. Но правда, серьезно, что есть среди стран НАТО большинство стран, и между ними Соединенные Штаты и Великобритания, которые ищут решения вопросов

⁸⁷ НАЕУ. PHS-653/9429. La dacha pres de Kiev. P. 1–5. Без указания авторства. Однако из самого текста и анализа использовавшего его биографа Спаака М. Дюмулана следует, что это составленный в довольно фривольной манере отчет о поездке на госдачу к Хрущеву члена бельгийской делегации посла Андре де Старка, хранящийся в бумагах Спаака. Де Старк был помощником Спаака в бельгийском правительстве в изгнании в Великобритании во время войны, был близок к бельгийской королевской семье, долгое время занимал пост посла Бельгии в НАТО и славился страстью скрупулезно записывать происходившее с ним, что подтверждается текстом его «хроники дачной жизни».

⁸⁸ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 548. Л. 151.

⁸⁹ Там же. Л. 182.

⁹⁰ Там же. Л. 179–180.

с Советским Союзом. И если германский вопрос и берлинский вопрос будут поставлены остро, то будет триумф остальных.

Н.С. Хрущев. Но одну гайку...

П. Спаак. Я спрашиваю поддержки у г-на Председателя для политики НАТО. (Веселое оживление).

Н.С. Хрущев. Одну гайку оставляем для поддержки.

П. Спаак. Маленькую гаечку.

Н.С. Хрущев. Г-н министр, если мы ни одной гайки трогать не будем, тогда скажут: все хорошо, зачем мирный договор, пусть и так будет, все же хорошо. Это де Голль мне говорил: зачем вам нужно, все хорошо идет. А вот одну гайку – и видно будет, что не все хорошо.

П. Спаак. Политика де Голля главная опасность этого. Когда все хорошо идет, то говорят: поскольку все хорошо, мы, значит, ничего не делаем. Но если дело идет плохо, то говорят, что мы ничего не делаем, потому что мы не можем обсуждать под угрозой⁹¹.

Этот эпизод беседы интересен тем, что Хрущев, во-первых, показывает себя прекрасным знатоком А.П. Чехова, во-вторых, очень удачно применяет свою эрудицию (в отсутствии которой его часто обвиняли многие комментаторы и современники) для объяснения балансирования на грани войны со стороны СССР, в-третьих, мы видим, что Хрущев и Спаак отлично дополняли друг друга в их общей нелюбви к де Голлю, и, в-четвертых, этот пассаж является лишним подтверждением гипотезы об ассоциации у Хрущева Спаака с А.П. Чеховым.

Официальная часть переговоров делегаций двух стран плавно и органически перетекла в неофициальную. Хрущев как гостеприимный хозяин пригласил Спаака и сопровождавших его лиц отобедать: «Как бывший рабочий, я знаю, что эксплуататоры только работать заставляют и не кормят. А я хочу и поработать, и покормить»⁹². И вот тут-то и начинается самая интересная документированная с советской стороны история общения двух политиков. Примечательно, что в бумагах Спаака запись переговоров дается близко к тексту в пересказе того, кто что говорил, и заканчивается до обеда – обрывается на фразе «на этом собственно политические переговоры были завершены»⁹³. Тот факт, что запись «неправленая», ценно вдвойне – по ней, в отличие от выверенных стенограмм предыдущих встреч, не прошла рука цензора или редактора, и потому она наиболее близко передает атмосферу и суть интеллектуального «пинг-понга», происходившего под аккомпанемент расслабляющих напитков. По воспоминаниям Спаака, после трехчасовых переговоров все пошло обедать. «Большой обед», как он его называет, состоял из двух супов, закусок, рыбы, мяса и десерта под аккомпанемент красного и белого вина, а также «Крымского шампанского»⁹⁴.

В неформальной обстановке уже идет более панибратское обращение к Спааку: после реплики про невозможность для Бельгии резко увеличить товарооборот из-за таможенной политики «Общего рынка», к созданию которого был непосредственно причастен Спаак, Хрущев в шутку вступает за своего гостя: «Н.С. Хрущев. Конечно, все на министра велят. (Веселое оживление). Все на Пал Палыча. (Веселое оживление)»⁹⁵.

Непринужденное общение за обедом позволило раскрепоститься Хрущеву в полной мере и, в ответ на расспросы Спаака, открыть многие стороны своей жизни, которые мало кто знает даже по биографиям советского лидера. Так, к примеру, Хрущев в ответ на комплимент про свои знания французского вспомнил, как один день в августе 1914 г. работал на французском руднике в Донбассе, общался там с бельгийским мастером,

⁹¹ Там же. Л. 184.

⁹² Там же. Л. 186.

⁹³ НАЕУ. PHS-653/9420. Entretiens Belgo-Sovietiques, Kiev 8 Juillet 1963. P. 14.

⁹⁴ Спаак Р.-Н. Оп. cit. P. 426.

⁹⁵ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 548. Л. 188.

после чего Спаак в шутку пообещал выплатить ему зарплату за тот единственный день⁹⁶. В другом месте стенограммы Хрущев опять вернулся к своему опыту заводской работы (с 15 лет) и воспоминаниям об атмосфере и впечатлениях времен его становления как профессионального рабочего на Донбассе, где он получил опыт общения и с немцами, и с французами, и с бельгийцами. «Я в Донбассе воспитывался. Это – интернационал. Там русские, украинцы – все народы Советского Союза, – там были бельгийцы, французы, немцы. Больше всего в машиностроении немцы были представлены. В химии – бельгийцы. В рудниках были представлены французы. В металлургии – англичане»⁹⁷. По сути, именно на этом рабочем опыте общения начала столетия и строились представления Хрущева о ключевых европейских нациях, так как только с середины 1950-х он стал выезжать за границу или приглашать иностранцев в СССР.

Великолепно атмосферу дружеского общения на фоне холодной войны передает эпизод, когда, обмениваясь за столом репликами про хобби, Спаак вдруг предложил Хрущеву сыграть в шахматы, поставив на кон судьбу Берлина.

«Голос. В шахматы когда-нибудь играли?»

Н.С. Хрущев. В шахматы когда-то играл, а потом бросил и не играю, потому что шахматы меня очень истощают, угнетают, я настолько поглощаюсь, что устаю.

П. Спаак. Я играю с Вами в шахматы на берлинский вопрос. (Веселое оживление).

Н.С. Хрущев. Я не буду играть, я все равно без проигрыша выиграю без шахмат. (Веселое оживление).

П. Спаак. Да, это хорошая причина.

Голос. Но это хорошая причина сделать предложение об игре в шахматы на берлинский вопрос.

Н.С. Хрущев. Я играл когда-то. Мне вообще шахматы нравятся. Это очень интересная игра, но очень утомляет, до головных болей»⁹⁸.

Вместе с тем по ходу обмена репликами, Хрущев предстает не просто в роли пассивного интервьюируемого, но и активно атакующего, провоцирующего бельгийцев к малым шагам по снятию санкций в отношении СССР. Так, к примеру, оттолкнувшись от вопроса о состоянии экономики в СССР, он перевел разговор на Бельгию. Зная ее заинтересованность в увеличении товарооборота и диверсификации рынков сбыта, он предложил увеличить и размеры, и сроки выдачи кредитов до 7–10 лет в отличие от 5-летних ограничений, применявшихся странами НАТО в отношении соцстран. При этом в экономике он отметил позитивное развитие кредитных отношений с ФРГ, чего нельзя было сказать про политику. Зазывая бельгийцев увеличивать товарооборот, Хрущев развивал свои идеи насчет капиталовложений в развитие химии и производство синтетических материалов в СССР⁹⁹.

Увлечшись перспективами развития сельского хозяйства в СССР, Никита Сергеевич заявил бельгийцам, что в будущем Союз сможет выйти на мировой конкурентный рынок и там бороться с американской продукцией благодаря более дешевому росту

⁹⁶ Там же. Л. 188–189.

⁹⁷ Там же. Л. 206.

⁹⁸ Там же. Л. 191. «Голос» часто появляется в записи встречи и означает, что стенографирующий не успевал фиксировать, кому принадлежит реплика. В данном случае она явно относится к кому-то из бельгийской делегации – либо послу А. де Старку, либо послу Бельгии в СССР П. Коолсу, либо начальнику кабинета министров иностранных дел Роберту Ротшильду – «правой руке» Спаака по бельгийскому МИД, причем скорее первому – действующий посол в стране вряд ли мог позволить себе такие фривольности в адрес Хрущева, даже за обеденным столом, а А. де Старку принадлежит весьма художественный отчет, составленный им по памяти после поездки на дачу к Хрущеву.

⁹⁹ Там же. Л. 194. Подробнее см.: Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 82–170.

производства и общему росту населения в СССР. И после этого сделал сенсационное предложение бельгийцам:

«Н.С. Хрущев. ... Вот Вы представитель капитализма, Вы сейчас улыбаетесь, обождите, Вы потом будете плакать. (Веселое оживление). Пообедали, я наступаю. (Веселое оживление).

Голос. Но я не от этого буду плакать.

Н.С. Хрущев. Я вообще не хочу, чтобы Вы плакали. Вы тогда переходите к нам, в наш союз. Блага хорошие. Вы страна богатая, хорошие рабочие, мастера, металлурги. Поэтому мы объединим наши усилия; мы капиталистам тогда покажем. (Веселое оживление).

П. Спаак. Но у нас нет общей границы.

Н.С. Хрущев. Это не имеет значения, что не имеем общей границы.

...

Н.С. Хрущев. Это не имеет особого значения. Ведь вот Бельгия маленькая страна, а какими вы колонизаторами были? Конго во сколько раз больше вас? ...Так почему мы на социалистической основе не можем объединиться большой с малым и малый с большим?¹⁰⁰

...

П. Спаак. Какой предельный срок?

Н.С. Хрущев. Мы сроков не устанавливаем.

Голос. Но всегда время иметь хорошо.

Н.С. Хрущев. Чем раньше, тем лучше. Видите, тогда вы будете 16 республикой советской; а если позже, будете 17-й или 18-й. Лучше же 16-й быть. Подумайте хорошенько.

П. Спаак. Я обязательно доложу об этом совету министров, когда возвращусь, что вы представили мне такое предложение.

Н.С. Хрущев. Хорошо, мы вам приветствие пошлем. Скажем — самое разумное предложение, которое сделал г-н министр, уникальное. Мы приветствуем. (Веселое оживление).

П. Спаак. Это будет отмечено в коммюнике? (Веселое оживление). Нужно, чтобы Вы, г-н Хрущев, послали телеграмму королеве сегодня во второй половине дня. (Веселое оживление).

Н.С. Хрущев. Это даже интересно — королева социалистической республики. Это новое. (Веселое оживление).

П. Спаак. Но мы знаем, что Вашим хорошим другом является королева Елизавета.

Н.С. Хрущев. Очень хорошим. Очень умная. Королева — старый человек, она реально мыслит¹⁰¹. Вот кого председателем назначить. (Веселое оживление)¹⁰².

После большого экскурса в перспективы текущего развития СССР, разработки недр Сибири Хрущев вновь возвращается к столь понравившейся ему теме тесной дружбы с Бельгией:

«Н.С. Хрущев. Это я вас завлекаю в 16-ю республику. Смотрите, какое вы приданое будете иметь. Это вы не к нищим придете, с руками бельгийцев, — это хорошие мастера, хорошие металлурги, химики.

П. Спаак. Это будет свадьба по расчету или по любви?

Н.С. Хрущев. Это и расчет, и любовь. (Веселое оживление). И то, и другое вместе сочетаются.

Мы с любовью относимся к бельгийцам, и, с другой стороны, мы с уважением относимся к рабочему классу Бельгии, к инженерам, интеллигенции. Это очень большие мастера. Мы когда-то на Бельгию смотрели вот как на звезды. Это заслуженно. А теперь смотреть стали — вот так (смотрит в лицо Спаака), но не так (смотрит снизу вверх). (Веселое оживление)¹⁰³.

¹⁰⁰ Упоминание Конго не случайно — в гражданской войне в Конго СССР и Бельгия поддерживали противоборствующие силы.

¹⁰¹ Имеется в виду королева Бельгии Елизавета Баварская.

¹⁰² РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 548. Л. 199–201.

¹⁰³ Там же. Л. 206.

Воцарившуюся между двумя политиками идиллию дополняют воспоминания Спаака об атмосфере, царившей на той встрече. Этот сюжет оставался долгое время малопонятным без сопоставления с приводимыми здесь советскими документами той встречи. Оценивая в целом свой визит в СССР в июле 1963 г. как политически малопродуктивный, Спаак особо отмечает чисто человеческое измерение и впечатления от общения с Хрущевым и посещения Советского Союза, которые были едва ли не важнее сугубо политических итогов.

Насколько позволяют восстановить картину произошедшего воспоминания Спаака и его ближайшего окружения, после обеда к компании присоединились малолетние внуки Хрущева, и все пошло пешком к берегу, где их ждали моторные лодки, чтобы отправиться в увлекательную прогулку по Днепру. Спаак и Хрущев как люди, привыкшие не ждать остальных, а задавать тон развитию событий, на самом быстромодном катере вырвались вперед далеко на середину Днепра, и великая река времени унесла оживленных беседой «первого европейца» Спаака и «первого коммуниста» Хрущева, оставляя воображению потомков простор для размышлений о роли личного фактора и магии культурного ландшафта в мировой истории.

Необычайную атмосферу неофициального общения передают строки из мемуаров Спаака, в которых описывается эпизод после того, как политики первыми сошли с катера где-то в излучине Днепра, чтобы продолжить общение на «плэжере» в формате пикника.

«У стога сена кто-то поставил раскладушку, — вспоминал Спаак. — Хрущев пригласил меня отдохнуть, а сам сел рядом. Мы болтали как парочка старых друзей, наслаждающихся предзакатным часом после рабочего дня. Природа, которая всегда выглядит лучше всего в это тихое время, была залита лучами заходящего солнца. Вспомнились толстовские описания русского пейзажа, будто бы среди нас сидели Левин и Наташа¹⁰⁴. Позже, на катере, после небольшой рыбалки ниже по реке, Хрущев запел, сопровождаемый густыми и в то же время мелодичными и душевными голосами других русских. Холодная война, казалась, где-то совсем далеко, а наши споры по берлинскому вопросу — каким-то миражом»¹⁰⁵.

Приведенный на страницах данной статьи сопоставительный анализ советских и бельгийских документов позволяет говорить о новых фактах в отношении как Берлинского кризиса 1961 г., так и глобального отношения СССР к тематике западноевропейской интеграции в период после смерти И.В. Сталина. В то же время они свидетельствуют о неожиданной близости, несмотря на идеологические противоречия, политиков на Западе и Востоке Европы. Документы вновь поднимают тему упущенных возможностей. Насколько можно судить, если бы Вышинский и «центр» были чуть более инициативными в отношении Спаака в 1946—1947 гг., то заключенный советско-бельгийский договор о дружбе принес бы значительные дивиденды. Конечно, в чисто гипотетическом, почти

¹⁰⁴ Левин — персонаж романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, который считается автопортретом самого писателя, а Наташа, вне сомнений, — Наташа Ростова из «Войны и мира». Чуть более приземленное видение этой картины со стороны дает бельгийский «хронист» посол А. де Старк — он сравнивает общение отдохнувшего на кушетке Спаака и склонившегося к нему Хрущева с общением пациента и психотерапевта, что довольно-таки вольно для посла // HAEU. PHS-653/9420. La dacha pres de Kiev. P. 16—17.

¹⁰⁵ *Spaak P.-H.* Op. cit. P. 427. Этот момент подтверждает и А. де Старк, отмечая в отчете, что было ужасно жарко и члены бельгийской делегации, оставаясь в жилетках с подтяжками, были вынуждены повязать носовые платки себе на голову, чтобы не получить солнечного удара. Хрущев, согласно А. де Старку, запел украинские напевы по просьбе Спаака, и ему подпевали Секретарь ЦК КПСС Н.В. Подгорный и заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин. На берегу бельгийцам был предложен «набор туриста» — полотенца, плавки и удочки, так как потом вся компания еще продолжила рыбалку на соседнем острове, однако в каком наряде к тому моменту остались члены бельгийской делегации, в отчете уже не уточнялось // HAEU. PHS-653. La dacha pres de Kiev. P.17, 28—29.

анекдотическом, ключе можно говорить про упущенную возможность для Бельгии стать союзной республикой в составе СССР, обсуждавшуюся в неформальной обстановке на даче Хрущева в 1963 г. Совершенно определенно был упущен момент в разрешении Берлинского кризиса и — шире — германского вопроса в 1961 г. — документы переговоров и материалы Спаака показывают, что на этих основах и был реализован прорыв к разрядке уже в брежневскую эпоху. Реалистичность предложений Хрущева и конструктивная роль Спаака незаслуженно обойдены вниманием со стороны историков и биографов. Приводимый материал позволяет многое уточнить в биографиях как Спаака, так и Хрущева.

Умение играть в интеллектуальный пинг-понг было частью искусства личной дипломатии периода холодной войны. Даже при отсутствии дипломатического прорыва разговор на одном уровне порождал взаимное уважение у лидеров стран и объёдинений стран и способствовал возникновению чисто человеческого измерения двусторонних и многосторонних отношений — залога снижения риска резких и необдуманных действий. И именно в личном качестве выясняется, что «первый европеец», один из «отцов-основателей» европейской интеграции Поль-Анри Спаак был одновременно столь близким нам «Павлом Павловичем», «Пал Палычем», который в человеческом плане был способен разделить и радость, и боль, и тоску той самой загадочной русской души, которую он почувствовал в коммунисте Н.С. Хрущеве, а его личные наблюдения и выводы позволяют по новому взглянуть на советского лидера, совсем не похожего на расхожие трафаретные изображения Никиты Сергеевича. Также в новом ключе предстает и фигура Спаака — не как оголтелого атлантиста и антикоммуниста. Вернее, последним он оставался в чисто идеологическом плане, но это не мешало ему мыслить прагматически и выступать в конструктивной роли переговорщика и медиатора между сверхдержавами и их союзами и даже инициировать собственные идеи выхода из тупиковых ситуаций периода холодной войны. Разбираемые эпизоды посредничества Спаака между СССР и США показывают важную роль малых стран Европы, их заинтересованность и потенциал снижать риски прямой конфронтации между крупными державами. Удивительным образом, несмотря на верность своим идеологическим системам, анализируемые в статье новые факты из общения двух политиков говорят о их взаимной симпатии и культурной открытости, что заставляет оптимистично смотреть на востребованность гуманитарных знаний и их общую пользу для практики международных отношений.

Библиография

- Криулина И.В.* Деятельность П.А. Спаака в сфере европейской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2009. № 2. С. 79–86.
- Липкин М.А.* Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х — первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. 2015. № 4 (46). С. 7–101.
- Липкин М.А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016.
- Мазов С.В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М., 2015.
- Мазов С.В.* Советская помощь повстанцам Восточного Конго, 1964–1966 // Азия и Африка сегодня. 2019. № 11. С. 71.
- Мальшева Н.С.* Поль-Анри Спаак — «проамериканский» политик Бельгии // Дневник Алтайской школы политических исследований. Барнаул, 2009. С. 058–062.
- Некрасов В.Л.* «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.). М., 2019.
- Таубман У.* Хрущев. М., 2008.
- Филитов А.М.* «А насчет Германии у нас и сомнений не было» // Историк. 2016. № 2 (14). С. 42–47.
- Филитов А.М.* «Окружить железным кольцом Берлин...» // Родина. 2011. № 8. С. 73–74.
- Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009.
- Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006.
- Хорошева А.О.* Бельгия и «политика независимости» в 1936 году: возврат к нейтралитету? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 3 (89). С. 24.

- Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания: в 4-х кн. М., 1999.
Dutoulin M. Spaak. (French Edition). Racine, 1999.
La pensée européenne et atlantique de Paul-Henri Spaak (1942–1972). Brussels, 1982.
Spaak P.-H. The continuing battle: memoirs of a European, 1936–1966. Boston, 1971.

References

- Filitov A.M.* “A naschet Germanii u nas i somnenij ne bylo” [“And we had no doubts about Germany”] // Istorik [Historian]. 2016. № 2 (14). S. 42–47. (In Russ.)
- Filitov A.M.* “Okruzhit' zheleznyim kol'com Berlin...” [“Surround Berlin with an iron ring...”] // Rodina [Rodina]. 2011. № 8. S. 73–74. (In Russ.)
- Filitov A.M.* Germanija v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii. 1941–1990 [Germany in Soviet foreign policy planning. 1941–1990]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Fursenko A.A.* Rossiija i mezhdunarodnye krizisy: seredina XX veka [Russia and international crises: mid-20th century]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Horosheva A.O.* Bel'gija i “politika nezavisimosti” v 1936 godu: vozvrat k nejtralitetu? [Belgium and the “policy of independence” in 1936: a return to neutrality?] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istorija” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2020. T. 11. № 3 (89). S. 24. (In Russ.)
- Hrushhev N.S.* Vremja. Ljudi. Vlast'. Vospominanija: v 4-h kn. [Vremya. People. Power. Memoirs: in 4 books]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Kriulina I.V.* Dejatel'nost' P.A. Spaaka v sfere evropejskoj integracii [P.A. Spaak's activity in the sphere of European integration] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2009. № 2. S. 79–86. (In Russ.)
- Lipkin M.A.* Mezhdu FRG i Japoniej: SSSR v poiskah strategicheskogo partnerstva v seredine 1950-h – pervoj polovine 1970-h godov [Between Germany and Japan: the USSR in search of a strategic partnership in the mid-1950s – the first half of the 1970s] // Novyj istoricheskij vestnik [New Historical Bulletin]. 2015. № 4 (46). S. 7–101. (In Russ.)
- Lipkin M.A.* Sovetskij Sojuz i integracionnye processy v Evrope: seredina 1940-h – konec 1960-h godov [The Soviet Union and integration processes in Europe: the mid-1940s–the end of the 1960s]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Malysheva N.S.* Pol'-Anri Spaak – “proamerikanskij” politik Bel'gii [Paul-Henri Spaak – “pro-American” politician of Belgium] // Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij [Diary of the Altai School of Political Studies]. Barnaul, 2009. S. 058–062. (In Russ.)
- Mazov S.V.* Holodnaja vojna v “serdce Afriki”. SSSR i kongolezskij krizis, 1960–1964 [The Cold War in the “heart of Africa”. The USSR and the Congolese crisis, 1960–1964]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Mazov S.V.* Sovetskaja pomoshh' povstancam Vostochnogo Kongo, 1964–1966 [Soviet aid to the rebels of the Eastern Congo, 1964–1966] // Azija i Afrika segodnja [Asia and Africa today]. 2019. № 11. S. 71. (In Russ.)
- Nekrasov V.L.* “Dilemma Hrushheva”: reformy Gosplana SSSR, neftehimicheskij proekt i vyzovy holodnoj vojny (vtoraja polovina 1950-h – pervaja polovina 1960-h gg.) [“Khrushchev's Dilemma”: the reforms of the USSR State Planning Committee, the petrochemical project and the challenges of the Cold War (the second half of the 1950s – the first half of the 1960s)]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Taubman U.* Hrushhev [Khrushchev]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Dutoulin M.* Spaak. (French Edition). Bruxelles, 1999.
La pensée européenne et atlantique de Paul-Henri Spaak (1942–1972). Brussels, 1982.
Spaak P.-H. The continuing battle: memoirs of a European, 1936–1966. Boston, 1971.